

Валерий Сауткин

ИУДА

Сочинение в двух частях с музыкальным приложением

«ИУДА» Фрагменты рок-оперы

Композитор и аранжировщик: Игорь Кларк
Автор стихов и либретто: Валерий Сауткин

1. Пролог
2. Ария Иуды
3. Без тебя
4. Скорпион
5. Река Любви
6. Прислушайтесь
7. А скажи...
8. Суть
9. Пустыня
10. Синедрион
11. Сговор
12. Сон Марии Магдалины
13. Кто?
14. Как забыть
15. Гефсиманский сад
16. Моление о чаше
17. Позор

Исполнители:

1. Иисус – Андрей Храмов (1, 5, 15, 16)
2. Иуда – Игорь Жарков (2, 3, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 17)
3. Мария Магдалина – Анна Бутурлина
4. Марфа – Ирина Сурина (3, 14)
5. Апостолы – Василий Акимов, Илья Киселёв, Андрей Капланов, Сергей Сергеев, Денис Дронов и Артём Волков (4, 7, 13, 15)
6. Первосвященники – Серж Курганский и гр. «Крузиэры» (10, 11)

Авторы благодарят Александра Бондарева,
генерального директора продюсерского центра «ИВАН!»,
за помощь в записи демонстрационного диска

Валерий Сауткин

Иуда

«Издание книг ком»

2013

УДК 82.3+22
ББК 84-44+86.37

Сауткин В.

Иуда / В. Сауткин — «Издание книг ком», 2013

ISBN 978-5-91775-124-5

В центре произведения судьба наших современников, выживших в лицемерное советское время и переживших постперестроечное лихолетье. Главных героев объединяет творческий процесс создания рок-оперы «Иуда». Меняется время, и в резонанс с ним меняется отношение её авторов к событиям двухтысячелетней давности, расхождения в интерпретации которых приводят одних к разрыву дружеских связей, а других – к взаимному недопониманию в самом главном в их жизни – в творчестве. В финале автор приводит полную версию либретто рок-оперы. Книга будет интересна широкому кругу читателей, особенно тем, кого не оставляют равнодушными проблемы богоискательства и современной государственности. CD-диск прилагается только к печатному изданию книги.

УДК 82.3+22
ББК 84-44+86.37

ISBN 978-5-91775-124-5

© Сауткин В., 2013
© Издание книг ком, 2013

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	23
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	42
Глава 10	45
Глава 11	50
Глава 12	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Валерий Сауткин

Иуда

Часть I

«Версия – предатель»

Глава 1

Они познакомились за карточным столом в далёкие «застойные» 70-е годы. Один из них – Олег Кротов, дипломник МЭИ, другой – Николай Рябов, выпускник этого института. Первый специализировался в «коротких эмоциональных» играх: очко, сека, покер – и добивался больших успехов благодаря разработанным им самим шулерским приёмам. В их основе лежали законы химии и физики, чаще всего – оптики. Его «номер» под условным названием «телевизор» принёс ему серию громких побед над многими известными «каталами». Суть «номера» состояла в применении зеркала для определения нижней карты в колоде. При игре в очко это давало решающее преимущество банкуящему. Идея не новая, но, однако, традиционное использование замаскированного осколка плоского зеркала не было достаточно эффективным, т. к. требовало специального освещения и фиксированного положения руки с колодой. Олег применил в качестве «телевизора» осколок ёлочной игрушки, замаскированный либо под фольгу сигаретной пачки, либо другим способом. Сферическая поверхность зеркала давала возможность просматривать нижнюю карту при любом положении руки с колодой. А скорректировать «тайный ход фишки» было делом несложной манипуляционной техники.

Николай от природы обладал выдающимися способностями. В частности, ещё в школе он выучил наизусть таблицы Брадиса, что позволяло ему в считанные секунды производить в уме математические операции с многозначными числами. Например, для возведения четырёхзначного числа в четырёхзначную степень с высокой точностью ему достаточно было пяти-шести секунд. Свою уникальную память он оригинально использовал в различных играх. Его «конёк» – полосатая колода, т. е. колода с полосатой рубашкой. При её изготовлении на заготовку разлинованную со стороны рубашки в двух направлениях полосками различной толщины и различного цвета, с лицевой стороны наносятся изображения карт в определённой последовательности по мастям и значениям. После разрезания листа каждая карта приобретает индивидуальную рубашку благодаря своим особенностям в расположении полосок относительно краёв и углов карты. Запомнив все рубашки колоды, игрок получает возможность «читать» карты, что даёт ему неоспоримые преимущества перед противником, играющим «вслепую». Беглого осмотра новой колоды в течение двух минут Николаю бывало достаточно, чтобы запомнить её всю. Каталы знали об этом и не играли с ним полосатой колодой, или, если и играли, то навязывали ему фору, достаточную для компенсации его преимущества. Чаще, правда, фора превышала этот порог, и Николай в конце концов, несмотря на свои уникальные качества, терпел унижительное для него поражение, попадая в долговую зависимость то к одному, то к другому игроку. Долги приходилось «отбивать», обыгрывая клиентов, которых ему поставляли его же кредиторы, будучи при этом с ним в доле, превышавшей, как правило, 50 %.

В те времена в Москве было несколько «тусовочных» мест. У картёжников и катал – это «академия» (биллиардная в Парке им. Горького), а также – лес Измайловского и Краснобогатырского парка, «катран» на Таганке, у хиппарей и музыкантов – Пушкинская площадь («Пушка»), Неглинная улица («Угол»). Универсальной тусовкой славился Центральный телеграф. Это было и место встреч, и место новых знакомств, и место съёма не очень крутых «тёлок». Здесь можно было купить из-под полы фирменный «клоуз», обменяться дисками, сдать или принять валюту. Телеграф притягивал к себе романтичных провинциалов и наивных иностранцев, строгих наодеколоненных деловых, типа цеховиков, и отвязанных балбесов-бездельников, аферистов с бегающими глазками и аккуратных лохов.

Время от времени «Крот», а именно так звали Олега в игроцких кругах, появлялся на Телеграфе в поисках «клиентуры» из числа приезжих. Однажды, после крупного проигрыша «Вампирчику» в новую для него игру польский банчок, «пустой, как барабан», но полный радужных надежд, Олег, стоя в простенке между многочисленными дверьми и покуривая сигаретку за сигареткой, равнодушным, казалось бы, взглядом скользил по лицам незнакомых людей в поисках потенциальной жертвы. Его внимание привлекла группка из трёх молодых людей, явно не славянского вида, хорошо «прикинутых». Пока Крот разглядывал каждого из них, пытаясь определить, кто из них вожак, появился четвёртый. Группа оживилась, и в две пары закипела игра в «железку». Сотенные купюры переходили из рук в руки. Игра с нулевой суммой, обычно не дающая преимуществ в пределах среднестатистического разброса никому из играющих, в исполнении профессионального игрока делала лоха «сладким». Олег выделил из этой четвёрки молодого грузина, методично побеждавшего своего противника, по всей видимости, с помощью приёма, называемого «обезьянкой». Когда игра подходила к своему логическому завершению и проигрывающий начал играть в долг, Олег подошёл к незнакомцам с зажатым в правой руке единственным «червонцем».

– Сыграем?

– Поехали! – сквозь зубы процедил один из них. – Мои три средних.

Крот разжал кулак, расправил купюру. Сумма трёх средних цифр составила семнадцать. Сумма остальных – восемнадцать. (Результат игры определяется без учёта десятков). Противник с лёгкостью протянул Кроту сотенную купюру.

– Сдачи нет! – развёл руками Крот.

– А у меня нет червонца.

– Да хрен с ним, с этим червонцем, – Крот отвёл в сторону руку грузина, – а в другие игры «шпиляешь»? В карты, например?

– Ну, бывает...

– А во что?

– Ну, в секу, там... – грузин на секунду задумался, – в покер...

– В секу хорошо играешь?

– Да как фишка ляжет!

Крот сделал вид, что о чём-то размышляет, потом внимательно посмотрел в глаза грузину.

– А если фишка хорошо ляжет?

– Как это? – хмыкнул грузин.

– Слушай, как тебя зовут?

– Ну, Гиви...

– А меня – Крот. Ты знаешь, – Олег сделал лёгкую паузу, – есть один человечек, сынок крутого цеховика, денег – куры не клюют! Обкатать его можно! Очень азартный... Но – лох лохом... Играет в секу!

– Катала, небось?

– Да нет! Говорю – лох! Давай сплавим его!

– Как это?

– Да так! Я буду сидеть рядом с ним, держать коробок спичек. Если у него со сдачи будет три карты одной масти, я поставлю коробок на попа, если две – на ребро, а если разноцвет – плашмя! Понял?

– Да, шанс хороший, если он не на «краплёных» фишках играет... – с лёгкой усмешкой заметил Гиви.

– Так фишки ты сам закупишь, несколько колод, и менять их будешь по своему усмотрению.

– А твой интерес?

– А я в доле! Сколько дашь?

– Судя по всему, ты пустоват, и при случае ответить не сможешь, поэтому – 10 %.

Дрожь радостного волнения пробежала по телу Крота. Клиент готов!

– А не маловато 10 %?

– Зато без несчастья! – презрительно, на правах хозяина ситуации, продолжал Гиви.

– Давай-25 %?!

– Нет! Десять без несчастья! Нормально, нормально... – тоном, не терпящим возражения, заявил Гиви, закончив торг, и сразу перешёл к делу, – когда?

– Да хоть сегодня, сейчас...

Гиви немного подумал, переглянулся с друзьями. Те подали утвердительный знак, слегка кивнув головами.

– Идёт!

– Ну, я звоню?

– Звони. И пойдём покупать карты.

Олег достал палочку от эскимо, заменяющую двухкопеечную монету, подошёл к автомату, снял трубку и запустил палочку в монетоприёмник. Гиви встал рядом.

– Коля! Это ты? Слушай, что ты сегодня делаешь? – Олег взял паузу, чтобы выслушать ответ Николая, – какое кино! Я для тебя хороших партнёров в секу нашёл... Бабки? Конечно, есть, – Олег взял очередную паузу, – да хоть сейчас подъедем... Не надо, они сами купят... Двадцать пять без несчастья хочу! Много? Ну, а сколько? Десять? Ну и жлоб же ты! Ну, извини, извини. Да ладно, согласен! – Крот повесил трубку, – погнались... «наши – заводских»! – и с довольным видом хлопнул ладонями, – вон, напротив телеграфа табачный киоск. Там можно купить карты.

Гиви испытующе посмотрел на Олега и с укоризной процедил:

– Ты что, за лоха держишь меня? Наверняка в этой палатке уже лежат «закованные лушпайки» и ждут клиента. Но не на того нарвались! Поедем и по дороге купим!

– Разумно! Молодец! Я сразу понял, что с тобой, Гиви, можно иметь дело! Погнались!

– Со мной ещё двое поедут!

– Да хоть трое!

Минут двадцать ловили такси. Олег, естественно, сел рядом с водителем, Гиви и компания, в том числе и Георгий, проигравшийся Гиви в железку, уселись на заднее сиденье.

– На Дербенёвскую набережную, шеф!

Всю дорогу молодые люди спорили на своём языке. Гиви что-то требовал от Георгия, возможно, деньги, которые тот проиграл в долг. У палатки возле Павелецкого вокзала Гиви остановил такси и попросил карты. Крот подошёл к нему:

– Возьми побольше, колод шесть-семь. Бери подешевле, – всё равно выбрасывать после игры. Вон простая колода, с шестёрками по рубль двадцать.

Гиви глянул на Крота:

– Правильно, чаще менять будем. Дайте десять колод вот этих, полосатых, по рубль двадцать!

Николай, не имея собственного жилья в Москве, кантовался либо в общежитии МЭИ, благо она находилась рядом с его работой, либо у кого-нибудь из друзей. Вот и теперь он поджидал Олега с клиентами в его же малогабаритной двухкомнатной квартире с кухней не более 5 кв.м. Мама Олега занимала большую комнату и никогда не выходила из неё, если в квартире появлялись посторонние. Вторая комната до потолка была забита книгами. Письменный стол Олега и кушетка, на которой он спал, оставляли для прохода по комнате узкую извилистую тропу, пройти по которой можно было, только искусно балансируя руками, не без риска споткнуться о какую-нибудь стопку книг. Гостей обычно принимали на кухне, свободное пространство которой не позволяло перемещаться, не потревожив сидящего или стоящего рядом соседа. Игры происходили за маленьким кухонным столом: по два человека друг против друга. Пятый имел возможность, стоя сбоку, практически в дверном проёме, наблюдать за игрой. Николай встретил гостей с широко распростёртыми объятиями:

– Меня зовут Коля, Коля Рябой! Кормлю гостей, как на убой! Есть будете?

– Нет, нет, мы только что из «Арагви».

Гиви с надменным видом осмотрел тесную прихожую:

– Туфли снимать?

– Так проходи... проходи и отвечай: «Кофе, водка или чай?»

– Я же сказал: «Мы только что из «Арагви!»»

– Ну, что же, слово гостя – закон! Крот, посади гостей.

– Сажать будешь, когда прокурором станешь! – Гиви улыбнулся и оглядел присутствующих, как они оценили его шутку.

Сели, как обычно. Крот – рядом с Николаем. Гиви с напарником – напротив, Георгий сел в дверном проёме. Судя по всему, он получил от Гиви задание внимательно наблюдать за всем происходящим со стороны. Достали колоду карт.

– Играть моими будем! – тоном, не терпящим возражения, заявил Гиви.

Рябой взял карты, покрутил их в руках, аккуратно распечатал колоду.

– Не кованые? – Николай развернул карты веером, – отвечаешь? Посмотреть можно?

– Смотри, сколько хочешь! Только что купили, – Гиви усмехнулся и добавил, – чистые, не краплёные!

Николай неспешно и внимательно рассмотрел каждую карту как с лицевой стороны, так и с рубашки (на отражённый свет):

– Вроде, нормальные! Ну, что, в гусарика?

Гиви удивлённо поднял брови:

– Говорили, вроде, в секу будем катать!

Рябой равнодушно пожал плечами:

– Я в этом деле новичок! В секу, но в «любовичок». Для начала вход – рубль, десять – крыша!

– Можно и покруче!

Гиви испытующе посмотрел на Николая.

– Успеем укрупниться... Ну, что? Погнали?

Георгий усмехнулся и не совсем к месту вставил:

– Наши – заводских?

Крот вытащил из кармана пачку «Явы» и коробку спичек. Закурил, держа сигарету в левой руке, а спички – в правой. Гиви растасовал колоду и положил её на стол для подсъёма. С первой же сдачи Николай без труда «читал» колоду. При подсъёме он прихватывал чуть больше половины колоды и, если в оставшейся части верхняя карта, которая была адресована ему, не устраивала, сбрасывал одну или несколько карт так, чтобы сверху оставалась или «шоха» (карта типа джокера), или туз, или, в крайнем случае, картинка, или десятка.

После этого он заканчивал подсём, укладывая нижнюю часть колоды на поднятую верхнюю. Уже одно это давало ему небольшое, но устойчивое преимущество над противником. Но это была мелочь по сравнению с тем преимуществом, которое обеспечивало чтение карт противника. За редким исключением, Николай знал точное количество очков, полученных Гиви. Крот, сидя на «маяке», исправно информировал Гиви сколько карт одной масти получил Николай, но Гиви не знал точного количества очков своего противника.

Условия игры допускали ставки «втёмную», и, если Николай получал со сдачи лучшие карты, он непременно «темнил» по максимуму. После очередного проигрыша Гиви огорчённо ворчал:

– Какой же ты счастливый!

На это Рябой отвечал:

– Фортуна к каждому из нас стучится в дверь хотя бы раз! А Георгий однажды добавил:

– Не заставая дома нас, подчас!..

– Ты знаешь эту песню? – удивился Николай.

– Мы играем её на танцах, – ответил Георгий, – а что?

– А ты знаешь, что это моя песня? Текст мой.

– Иди ты! – воскликнул Георгий.

Гиви сгрёб в кучу очередную заигранную колоду, выбросил её в мусорное ведро и достал новую.

– На, смотри! А я пока – в сортир!

Встал из-за стола и на своём языке что-то сказал своему напарнику. Ухо выловило слова «Ахмета», «Твиши», «Тетра»... Гиви закрылся в туалете, напарник пошёл в магазин. Рябой отложил в сторону новую колоду.

– Так ты говоришь, что вы играете «Фортуну»? И где?

– На танцах и в вечернем ресторане «Араке».

– А рапортчики заполняете? – заинтересованно спросил Николай.

– Заполняем...

– И «Фортуну» тоже?

– Нет, мы же не знаем авторов... – Георгий пожал плечами, – пишем только известные песни членов Союза.

– А сам на чём играешь?

– На клавишах.

– А музыку пишешь?

– А как же. Почти все наши песни – мои! Правда, с текстами – беда!

Николай на листочке для заметок черкнул номер своего телефона и протянул его Георгию:

– Позвони мне, поговорим. Да, и дай мне свой!

Георгий на таком же листочке записал свои координаты. Николай быстро сложил его вчетверо и сунул в карман. Передача записки произошла, когда из туалета появился Гиви, и, естественно, это не осталось незамеченным им.

– Ну, что? Уже снюхались? Сплавить меня хотите?

– Да нет, ты чего, – начал оправдываться Георгий, – оказывается, Николай пишет песни, которые мы играем...

– Ладно, продолжим! Колоду открыл? Всё нормально? – Гиви занял своё место, – я сдаю?

Игра «в одни ворота» продолжилась. Судя по тому, как Гиви начал нервничать, его кошелёк методично опустошался, а сам он, пытаясь блефовать и, как правило, невпопад, окончательно потерял нить игры, бесповоротно погружаясь в состояние «глухого полёта».

Вернулся гонец с двумя бутылками «Твиши». К этому времени Гиви, практически, «кончился». Оставалась последняя сотня рублей.

– Давай выпьем по бокалу нашего вина! – явно в расчёте на передышку, или, чтобы сломать непруху, предложил Гиви.

Николай достал чистые стаканы. Разлили одну бутылку. Выпили за знакомство. Разлили вторую, выпили за удачу!

– Какой же всё-таки ты, Рябой, счастливый! – с оттенком некоторой безнадёги в голосе произнёс Гиви, – давай сменим игру. Сыграем в деберц? По сотенке!

– Поехали!..

Игра закончилась через пятнадцать минут. Результат был предсказуем и окончательно разочаровал Гиви:

– Кончил! Сегодня не мой день!

Проигравший бросил на стол последнюю купюру и резко встал из-за стола. Один за другим все трое спешно покинули квартиру. Выигрыш Николая составил около трёх тысяч рублей. Разделив по-братски добычу, напарники сели играть в шахматы с часами по три минуты на партию с трёхрублёвой ставкой.

Глава 2

Николай проснулся в начале одиннадцатого. На работу он уже опоздал. На протяжении последнего месяца ему лишь дважды удалось приезжать вовремя. Опоздания составляли от десяти минут до часа. Один раз его даже поймали, перелезающим через забор. Начальник отдела кадров строго предупредил Николая:

– Ещё раз повторится, получишь выговор с предупреждением! А пока снимем 50 % премии!

Когда Николай выходил из кабинета, начальник буркнул:

– И скажи спасибо своему шефу! Он всегда за тебя заступается. Была бы моя воля, я бы... давно уже уволил бы тебя!

– Странные они люди, эти кадровики, – подумал Николай, – для них важнее режима нет ничего! Приходи и уходи вовремя, и ты – передовик! А делаешь ты свою работу или не делаешь, – это не важно!

Николай работал в этом институте уже четвёртый год. До этого он три года тянул лямку в Институте высоких температур АН СССР, куда распределился после защиты диплома на тему, связанную с изучением свойств низкотемпературной плазмы инертных газов. Работая над дипломом, он проявил изобретательность, которая произвела сильное впечатление на заведующего лабораторией. Во время одного из экспериментов неожиданно лопнуло смотровое стекло в третьем окошке плазмотрона. Его герметизация была нарушена, и в поток аргона стал проникать воздух. Эксперимент был под угрозой срыва. Руководитель работы дал команду погасить плазмотрон. Николай, не долго думая, вскрыл аварийное окно, вынул лопнувшее стекло, а образовавшееся отверстие заткнул простым карандашом, грифель которого надёжно закрывал узкий (основной) канал. Эксперимент под дружный и одобрительный смех продолжился. Распределение на работу в эту лабораторию ему было обеспечено. Многие сокурсники завидовали Николаю. Институт занимался реализацией модной в те времена идеей прямого преобразования тепловой энергии в электрическую. Идея красивая: нагреваем газ до плазмообразного состояния, когда атомы распадаются на положительно заряженные ионы и отрицательно заряженные электроны, подаём плазму в магнитное поле, в котором заряды разделяются на разнонаправленные потоки, снимаем их на электродах и замыкаем эту цепь на потребителя электрического тока. Комплекс работ по созданию магнитогидродинамического (МГД) генератора возглавлял Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, академик Кириллин. Пользуясь своим положением в правительстве и под флагом суперпривлекательности физической идеи, он создал новый институт с финансированием, соизмеримым разве что с финансированием космических программ. Правда, довольно быстро даже рядовому физику стала понятна несбыточность реализации этой идеи, по крайней мере, в обозримом будущем. Связано это с тем, что не был ещё найден токопроводящий материал для изготовления токосъёмных электродов, который бы выдерживал температуру рабочей плазмы. А охлаждение электродов приводило к такому увеличению электрического сопротивления в приэлектродной зоне цепи, что коэффициент полезного действия всей установки в целом становился удручающе низок. Во всех странах финансирование разработок стационарных МГД-генераторов было довольно спешно свёрнуто, и только в СССР работы продолжались, деньги из бюджета текли рекой, сотнями исчислялись кандидатские диссертации, десятками – докторские, в Академии наук росло число членкоров и академиков из числа сотрудников института. Периодически в центральной прессе и научно-популярной литературе появлялись восторженные статьи о блистательных перспективах нашей энергетики на базе новых принципов прямого преобразования тепловой энергии в электрическую, и мыльный пузырь идеи «фикс» приобретал всё более и

более неприличные размеры. Справедливости ради надо отметить, что далеко не все исследования попали в конечном итоге в мусорную корзину. Многие из них были использованы в прикладных целях в разных отраслях промышленности. Так или иначе, но работа в ИВТАНе считалась не только престижной, но и перспективной в отношении научной карьеры.

По наработанным методикам создавались экспериментальные установки, на которых, как пирожки, одна за другой выпекались кандидатские диссертации, похожие друг на друга, если уж не как близнецы, то – как родные братья. Николаю быстро наскучила рутинная работа, научное содержание которой было таким же сомнительным, как содержание мяса в котлетах институтской столовой. Режим в НИИ был строгим, и Николай старался не опаздывать на работу, но после бессонной ночи, проведённой за карточным столом или за написанием очередной песни, он поручал проведение эксперимента своему механику Серёге Пушкину а сам отсыпался где-нибудь в укромном уголке. Нельзя сказать, что это плохо отражалось на результатах работы. Нет, вовремя писались и сдавались отчёты, публиковались статьи и делались доклады.

Неприятности начались, как всегда, неожиданно-негаданно. Приглашение в отдел кадров никогда не сулило ничего хорошего. А если с тобой хочет побеседовать сам начальник, жди грозы! В этот раз дело обстояло ещё тревожнее. Николай, вошедший в кабинет начальника, был расстрелян колкими взглядами трёх пар глаз, две из которых были абсолютно неизвестными.

– Николай Петрович!?

Один из двух незнакомцев испытующе глянул на Николая, и в его мозгу молнией сверкнула догадка:

– КГБ!

– Расскажите нам, пожалуйста, как вы съездили на стажировку в Чехословакию? – продолжал первый незнакомец, назвавшийся Иваном Ивановичем, и все трое уставились на Николая.

– Как съездил? – хмыкнул Николай, – хорошо съездил!

– Что входило в программу стажировки?

– Как что? Ну, экскурсии всякие, посещения институтов...

– Вот перед нами отчёт руководителя этой поездки, доцента Филатова. Он пишет, что из двенадцати НИИ, которые вошли в программу стажировки, вы посетили только два. Почему? – строго спросил второй незнакомец, представившийся Юрием Серафимовичем, вскинув брови и ткнув пальцем в картонную папку, по всей видимости, с досье на Рябова Н. П.

– Вот иуда! – подумал Николай, и память на мгновение перенесла его в те времена.

Вспомнилась Фая, с которой он познакомился в Карловых Варах, а также Златка из Праги. До чего же красивые девчонки, особенно Златка! Она сама «сняла» Николая в баре «Ялта» на Вацлавской наместни. Каждый вечер он приходил туда часов в восемь вечера, выпивал стопку «Бехеровки» или виски с содовой, выкуривал пару сигарет и часов в девять отправлялся на какую-нибудь дискотеку. Вот и в тот день, в своём модном японском костюмчике, который достался ему, кстати, не без помощи родственников, имевших какое-то отношение к космонавтам, он появился в баре, где его уже ждал ставший знакомым бармен. Николай взгромоздился на высокий стул, небрежно достал пачку «Марльборо» и закурил.

– Как дела, Ник? – приветствовал его бармен на немецком языке.

Николая часто принимали за немца, и он, зная язык не хуже рядового чеха, даже не пытался никого разочаровывать, поскольку отношение к немцам в Чехословакии было весьма уважительное.

Бармен, очень начитанный парень, мог поддержать разговор на любую тему от светских сплетен и искусства до проблем современной физики.

– *Тобой интересуется одна привлекательная дама! – выразительным взглядом он показал в сторону диванчика за спиной Николая, – не будешь возражать, если она составит тебе компанию?*

Николай обернулся и встретился взглядом с красивой черноглазой...

– Так почему? – спокойный, но властный голос вернул Николая на землю.

– Вы знаете, – как бы подыскивая нужные слова, начал Николай, – двух посещений их НИИ мне стало достаточно, чтобы понять, что ничему полезному мы у них не сможем научиться.

– Как это? – в один голос удивились комитетчики.

– Ну, во-первых, все они учились у нас, и вся их наука, если не топчется на месте, то семенит в шлейфе нашей науки. Во-вторых, что можно получить за восемь часов коллективных пробежек по этажам института? Да, приборное оснащение у них на высоте, да, мастерские – на уровне! Нам бы такие! Да я за это время прочесал всю Прагу, посмотрел несколько выставок...

Продолжая перечислять из дозволенного всё, что удалось сделать, Николай мысленно, вторым планом, автоматически вернулся к приятным воспоминаниям. Ему часто приходилось думать и говорить о разных вещах одновременно. Это умение помогало ему при игре в карты, когда разговорами он отвлекал внимание соперника, обдумывая в это время план и способы игры. Но иногда оно и мешало, например, в общении с девушками или с друзьями, когда на ум приходила какая-нибудь интересная идея, уединиться не было возможности, а идея требовала безотлагательного к себе внимания. Тогда он начинал даже нервничать и позволять себе разного рода недипломатические высказывания.

– Вы знакомы с Мирославом Марексом? – прервал череду воспоминаний Николая первый комитетчик.

– Да, – после некоторого раздумья, не без удивления ответил Николай.

– Вы переписываетесь с ним?

– Да... правда, редко.

– А вы знаете, что его отец был одним из организаторов путча в 68-м?

Второй комитетчик произнёс это как приговор.

– Я знаю, что его отец – профессор философии, – произнёс Николай, – и читал его труды по теологии. Мне показались интересными его размышления на тему христианской морали.

– Вот как? – вскинул брови Юрий Серафимович.

– Может быть, вам показались интересными и труды Солженицына? – Иван Иванович коварно глянул на Николая с явным намерением подловить его.

– Солженицына? Да нет, я практически и не читал этого автора.

Николай пожал плечами. Он уже успокоился, и ему стал надоедать весь этот разговор. На втором плане его воспоминаний уже заканчивалась история его знакомства со Златкой.

Виски с содовой, пара сигарет, лёгкие шуточки и советские анекдоты на немецком языке... Через час приятной беседы Златка пригласила его в свой номер отеля на втором этаже. На лестнице она спросила:

– Какими марками платить будешь?

– У меня нет марок, – Николай остановился, – я из Союза, – признался он на русском языке.

– Я подозревала, – улыбнулась Златка и тоже перешла на русский, – номер отменяется, беру выходной, едем на дискотеку.

За этим разоблачением последовало сказочное облегчение и...

– Как это вы не читали Солженицына? Но в общежитии вы хранили его книги! – оба комитетчика напряглись, а лицо кадровика вытянулось в изумлении. – И, кстати, кто дал вам их? Не Гершуни ли?

Разговор с чиновниками начал приобретать неприятный характер. Николай понимал, что его методично припирают к стенке. Чтобы поддержать в себе равновесное психологическое состояние, он на минутку отвлекся от реальных событий и мысленно перенёсся на пражскую дискотеку «Ювентус», где они веселились почти всю ночь, а под утро на такси Златка привезла его к себе домой...

После бурно проведённого остатка ночи Николай хорошо выспался, пропустив, естественно, очередное посещение какого-то института, встал с постели, подошёл к зеркалу, чтобы полюбоваться на свою помятую морду, и вдруг ощутил приятное тепло нежных рук Златки, обхвативших его шею: «Папа приглашает тебя попить с ним кофе. Пойдём?» Знакомство с родителями в аналогичных ситуациях обычно не сулит ничего утешительного, и встревоженный Николай уже подобрал мысленно отговорку, но Златка успела открыть дверь в соседнюю комнату и увлечь за собой Николая, крепко держа его за руку: «Вот, знакомьтесь, это Ник. Он – учёный, приехал из Советского Союза. Он хороший человек и мой друг». Папаша представился: «Иржи. Инженер, присаживайтесь, прошу...». Беседа за столом носила формальный характер, но кофе и свежие рогалики с сыром были бесподобны...

– Почему молчите? – Иван Иванович с некоторым удивлением глянул на Николая, который не только не выказывал никакого волнения, но даже улыбался, – читали Солженицына?

Николай понимал, что это уже – обвинение, и догадывался, что не самое главное. Хранение запрещённой литературы оправдать было невозможно, тем более, что книги эти принёс сам Володя Гершуни, славный малый, сын вошедшего в историю известного эсера, сам диссидент с большим стажем, отсидевший уже несколько лет в лагерях вместе с Солженицыным и с восторгом описывающий свои «университеты» под его руководством.

– Я пробовал читать, но это – мучение. Язык корявый, сюжет надуманный, да и неинтересный совсем. Правда, я до конца и не дочитал, бросил в самом начале. Неинтересно, одним словом!

После этих слов Николай мысленно плюнул себе в лицо и сделал рукой движение, как бы, вытираясь.

– Хорошо, – удовлетворённый ответом Николая, произнёс кадровик, – изложите нам в письменном виде своё отношение к сочинениям Солженицына.

– Но для этого мне надо прочитать их, – Николай развёл руками, – а мне не хотелось бы этого.

– Напишите, опираясь на прочитанное! Завтра принесёте в отдел кадров.

– Хорошо! – на миг Николаю показалось, что удавка, накинутая на него комитетчиками, начала ослабевать.

А на экране второго плана воспоминаний опять всплыли картинки бурно проведённой со Златкой ночи. Да, она была профи! Николай даже не предполагал, что в постели возможно такое! Его поразила «любовь по-французски», как выразилась Златка, пронизывающая всё тело сладчайшим током высокого напряжения. Николаю нестерпимо захотелось вернуться в те времена, но...

– Когда вы виделись с Гершуни последний раз? – Иван Иванович откинулся на спинку стула и недобро прищурил глаз.

– Да я уже и не помню, когда.

– Но ведь Солженицына-то он вам совсем недавно принёс, правда?

– Я не знаю, когда он приходил, меня не было в комнате. И я не уверен, что это он принёс мне эти книги, – Николай почувствовал себя в роли шахматиста, попавшего в цугцванг, когда любой ход, любое слово может привести к поражению.

– Но Виктор Мухин, который живёт в комнате рядом с комнатой ваших друзей, где вы иногда ночуете, сообщил, – Юрий Серафимович вытащил из дела листок бумаги и слегка потряс им, – что приходил мужчина, который назвался Володей Гершуни, и попросил передать вам эти книги! Именно, вам!

– Я не просил его об этом, – равнодушным тоном парировал Николай и подумал: «Какой же всё-таки иуда этот Мухин!»

– Кроме того, Мухин сообщает, что ещё летом вы пытались прорваться в комнату отдыха на закрытый вечер французских студентов. Зачем? Ищете знакомства среди иностранцев? – это уже Иван Иванович начал атаку с другого фланга...

– Да нет! Просто на вечере играла группа «Кардиналы». Хотелось послушать их, – Николай пожал плечами, а память воскресила события прошлого июля, когда целый этаж общаги на весь месяц был заселён французскими студентами, изучающими русский по обмену.

Как можно было упустить такой шанс познакомиться с интересными француженками? Не было среди них красавиц, но их улыбки, открытые взгляды, непосредственные манеры общения притягивали к себе, снимая все барьеры как при первом знакомстве, так и потом... Сутра они уходили на занятия, а вечером были в распоряжении Николая и его друзей, в том числе, кстати, и Мухина. Пели, танцевали, пили вино, играли в футбол на хоккейной площадке и покер (по маленькой). Николай снял Мари-Франс, невысокого росточка шуструю шатенку в длиннополом плаще с гитарой на плече. Одевалась она непривычно для советского глаза: джинсы, кеды, рваный свитерок и много золота (массивный браслет с висюльками типа Эйфелевой башни, массивные цепи и кольцо, серёжки в виде больших колец). И, конечно, пьянящий и будоражащий воображение парфюм! Ау Мари-Франс, как выяснилось потом, папаша был хозяином парфюмерной фабрики. К Николаю все друзья обращались запросто: «Отец!» И Мари-Франс стала звать его так же, а сама получила кличку «Мать». В первое время она совсем не говорила по-русски, только: «Отец!» Другие французы были лучше подготовлены, и были среди них даже вполне сносно говорящие по-русски. Все усердно занимались, все, только не Мари-Франс! Со второго дня она перестала ходить на занятия и по утрам будила Николая:

– Отец! Вставай! Пойдём!

– Дай поспать! – бурчал Николай, но тем не менее продирает глаза и привставал с кровати, – куда пойдём-то?

– В кабак! – немного нараспев гнусавила Мари-Франс.

– Опять в кабак!? – делал недовольную физиономию Николай, – у меня нет денег на кабак!

– У меня есть! – отвечала она и усаживалась на стул, настраивала гитару и начинала петь.

Пела она замечательно, особенно грустную и красивую песню со словами, что-то типа «Но мо кито па!» Николай не понимал по-французски, но чувствовал, что поёт она для него. Потом они отправлялись в центр, гуляли по Красной площади, ходили в музеи, катались на речном трамвайчике. Но особенно нравилось им забежать к художникам, друзьям Николая. Мари-Франс приводили в восторг и «сюрсы» Оскара Рабина, и «фактуры» Владимира Янкилевского, и «еврейские примитивы» Михаила Гробмана, и изящные натюрморты Эдика Штейнберга. Буквально за бесценок она скупила у Зверева и Яковлева несколько акварелей, а у Юло Соостера – небольшой, но очень красивый абстрактный пейзаж. А вот рок-группы наши ей не понравились. Разве что Градский! Его голос произвёл на неё сильное впечатление.

чатление. Месяц пролетел незаметно. Пришла пора сдавать зачёты. И выяснилось, что лучшие всех с языком дела обстоят у Мари-Франс! Проводы французов были весьма эмоциональными. Слезы, песни, смех, шампанское... А Мари-Франс рыдала и причитала: «Отец! Зимой будем жениться! Отец! Пиши! Будем жениться!» Когда поезд тронулся, она, стоя в тамбуре, затянула свою песню «Но мо кито па!».

Николай долго стоял на перроне, провожая взглядом уходящий поезд. Он понимал, что больше никогда не увидит её. В сентябре Мари-Франс прислала первое письмо. Почти без ошибок она писала, что родители не возражают и планируют женитьбу на весну. Николай читал это письмо с комом в горле. Не сразу ответил. Не знал, как объяснить ей, что он советский человек, работает в закрытом институте, и вообще... Через неделю так и написал, что женитьба невозможна, т. к. переехать во Францию он не может из-за работы, а она не сможет жить в СССР, т. к. никогда не привыкнет к советскому быту: «Мать! Ты же даже готовить не умеешь!» – писал он ей. Через три недели Николай получил ответ: «Отец! Я научусь готовить! Уже сейчас я умею жарить яичницу! Папа приготовил подарок, автомобиль, и уже договорился в посольстве!» Никому не рассказывал Николай обо всём этом, только двоюродному брату, полковнику из Генштаба, да и то – так, в виде шутки, по пьяному делу... Брат сразу протрезвел: «Что ты творишь! Ты погубишь всех нас! Мне и так генерала не дали из-за тебя! А знаешь, что братан твой, Лёха, из-за тебя замом министра энергетики Литвы не стал!?»

Беседа продолжалась до конца рабочего дня и закончилась для Николая «предупреждением без занесения» и его обещанием, во-первых, не иметь дела с иностранцами, несмотря на то, что у него не было формы допуска, и, во-вторых, написать о своём критическом отношении к «так называемым произведениям» Солженицына. А через неделю начались события, к которым Николай ну никак не был готов. После работы он вышел из института и направился к троллейбусной остановке. Ещё на крыльце института он обратил внимание на странную парочку, лысоватого мужичка в тёмных очках и совсем не гармонировавшую с ним женщину средних лет незапоминающегося вида. Оба они смотрели на Николая, а мужичок даже слегка улыбался.

На остановке они опять встретились взглядами. В троллейбусе Николай по привычке встал на заднюю площадку и уставился в окно. Его взгляд равнодушно скользил по идущим вслед машинам. На остановках все они объезжали троллейбус все, кроме одной, чёрной «Волги», в салоне которой Николай увидел всё ту же парочку. «Вот это номер! – подумал Николай, и ему стало немного жутковато, – кстати, номерок-то этой машины надо бы запомнить!» На конечной остановке Николай выскочил из троллейбуса и поспешил в метро. Перед посадкой в вагон он оглянулся. Ничего подозрительного не было, и толпа пассажиров внесла его в вагон. Он нашёл свободное местечко в середине вагона, сел и... обомлел: напротив него сидел и читал газетку всё тот же лысоватый мужичок в тёмных очках, а его спутница стояла у двери. Не трудно догадаться, что Николая «вели» до самого дома. На следующий день он «по секрету» рассказал об этом своему приятелю по работе, Володьке Забровскому. Тот сначала не поверил: «Да ладно, тебе показалось, наверное...» Потом согласился прокатиться с Николаем в кафе-мороженое, благо – была пятница. Уже на крыльце института их встретила всё та же парочка, а за троллейбусом следовала чёрная «Волга» с известным уже номером. Три остановки метро до «Проспекта Маркса» они проехали под неусыпным вниманием лысоватого мужичка и его партнёрши. Вышли на чётную сторону улицы Горького и медленно направились в сторону кафе «Московское». Оглянулись: о, Боже, знакомая парочка под ручку степенно вышагивала за ними, а по проезжей части медленно тащилась знакомая «Волга» с двумя пассажирами. В таком составе вся процессия добрела до Пушкинской площади. Пару раз Николай с приятелем останавливались. Останавливались и сопровождающие их, а попытки сблизиться с ними были безуспешными: все дружно разворачивались и

не допускали сближения. На Пушкинской перешли на нечётную сторону улицы и быстро направились в кафе «Север». От «Волги» удалось оторваться. Поднялись на бельэтаж кафе и сели за столик с видом на первый этаж и входную дверь.

– О! Вот и они, голубчики! – Николай кивнул в сторону входа, – интересно, кто-нибудь из этой команды подсядет к нам?

Его интерес был удовлетворён очень оперативно. Четверо вошедших, включая мужичка с дамочкой, заняли столик на первом этаже, а пятый, моложавый мужчина лет тридцати пяти в костюмчике при галстукке поднялся на второй этаж.

– К вам можно? – спросил он у Николая.

– Пожалуйста, – в один голос ответили ему друзья.

Николай с Володькой затеяли заумный разговор о связи науки и искусства. Николай представлял любое произведение, как информационный поток, который можно оценить даже количественно: обратно пропорционально логарифму вероятности информационного сообщения. Володька уточнил понятие информации в искусстве как настраивающего сигнала и согласился с утверждением Николая, что сила воздействия произведения искусства на зрителя или слушателя пропорциональна степени неожиданности информационного сообщения. Николай заметил, что результат воздействия зависит также от способностей потребителя и его подготовленности к восприятию. Так, например, если поток информации будет существенно меньше того, который способен освоить мозг зрителя, последний может заскучать и потерять интерес к нему, а если – больше, мозг зрителя откажется переваривать информацию, и зритель тоже заскучает. Пример тому – спящий зритель на концерте симфонической музыки: это или завсегда, который слушает эту музыку далеко не первый раз, или дилетант, слушающий серьёзную музыку впервые.

Прекрасно понимая друг друга с полуслова, друзья, тем не менее, позволяли себе нарочито избыточное изложение своих аргументов в виде формул и схем на салфетках, стараясь обескуражить своего соседа, «подсадную утку», который слушал этот далеко не всегда понятный разговор и сидел с широко открытыми глазами.

– Вы очень интересные ребята, – попытался он встрять в разговор, но Николай, как бы не замечая этого, предложил применить уравнение Шредингера для рассмотрения проблемы гармонизации произведения искусства.

Володька оценил эту шутку, едва сдерживая смех, и заострил внимание на краевых условиях этого уравнения, переходя тем самым на реальную почву дискуссии: очень важно сначала правильно настроить зрителя! Например, «в некотором царстве, некотором государстве...» настраивает читателя к восприятию любых, самых фантастических событий, и его не шокирует, что Елена Прекрасная выходит во чисто поле, бросает через плечо гребешок, и за её спиной вырастает лес до небес. Интересно, как отреагировал бы читатель, если бы Лев Толстой отправил Наташу Ростову в середине романа «Война и мир» во чисто поле с целью вырастить перед носом французов лес до небес при помощи гребешка, брошенного через плечо? Это была бы явная перегрузка информационного потока!

– Ребята, вот вы говорите о войне и мире, – нашёл повод присоединиться к разговору «засланный казачок», – а как вы относитесь к событиям в Афганистане?

– Да мы, собственно, к ним не относимся, – Николай испытующе посмотрел на него и добавил, – никак не относимся.

– Как это, никак? Вы же советские люди!

– Да! И, как все советские люди, мы честно делаем своё дело! – не без пафоса произнёс Володька.

– Какое дело?

– Наше дело – наука! – торжественно продолжил Володька.

– Впрочем, нам, наверное, уже пора. Как ты? – спросил Николай и подмигнул приятелю, – официант, рассчитайте нас пожалуйста.

Подошёл официант, принёс счёт.

– И меня тоже рассчитайте, пожалуйста, – попросил «казачок», спешно доедая своё мороженое, и отсчитал один рубль двадцать копеек.

– Слушай, а может быть, мы ещё по мороженке закажем? – «разошёлся» Володька, – официант, пожалуйста, принесите нам ещё два «Солнышка».

– И мне тоже. С вами так интересно! – «казачок» проверил мелочь в кармане, денег явно не хватало на мороженое, – впрочем, нет, принесите лучше кофе.

Официант принёс мороженое.

– А кофе придётся немного подождать!

– Хорошо, подожду!

Друзья переглянулись и интенсивно заработали ложечками. Мороженое быстро кончилось. Николай отсчитал нужную сумму и положил на стол.

– Отдадите официанту? Мы не будем ждать. Здесь – с чаевыми. – Николай глянул на Володьку – пойдём?

Лицо «казачка» удивлённо вытянулось, типа: «А как же я?» Друзья быстро встали из-за стола и стали спускаться на первый этаж. Заметив это, основная группа во главе с мужичком в тёмных очках поспешила к выходу.

– Ну, что? Убедился?! – скорей укоризненно, нежели вопросительно, обратился Николай к приятелю, – ладно, в понедельник увидимся, если меня не заметут. Я погнался... в Пушкино, к тётке. Покуда!

– Пока!

Николай быстро направился на Пушкинскую площадь, Володька – в другую сторону. Остальные засеменяли за Николаем.

В электричке его сопровождала всё та же парочка во главе с мужичком в тёмных очках, но это уже не волновало Николая, и он с головой предался своему любимому занятию, сочинению очередного текста песни для группы «Кардиналы». С ребятами из этой группы он познакомился на том самом, памятном вечере для французов и с клавишником уже написал одну песню, которая даже стала популярной у молодёжи, не признававшей официальную эстраду.

Через неделю открытая слежка, «японская», как назвал её Володька Забровский, была снята. Николай успел привыкнуть к ней и даже чувствовал себя с ней спокойно, в какой-то степени защищённым, хотя и понимал, что из-под пресса ему уйти едва ли удастся, и все неприятности ещё впереди. Время от времени он пытался анализировать всё происходящее с ним, чтобы понять, чем же всё-таки он «насолил» своей родной стране и как он подрывает её безопасность? Внятного ответа не находил, но всё чаще думалось, что КГБ надо как-то оправдывать своё существование. Впрочем, кое-что могло действительно заинтересовать чекистов. Дело в том, что в своё время Володя Гершуни познакомил Николая с Борисом Ефимовым. Это был интересный молодой человек, очень образованный, особенно, в области юриспруденции, хотя и работал певчим в церковном хоре. У них оказалось много общих знакомых, особенно среди левых художников и музыкантов. Жил Борис на бульварном кольце, в большой квартире дореволюционного дома, и часто у него собирались так называемые диссиденты. Только со временем Николай понял смысл этого термина. При их появлении не сразу и не всегда Борис прощался с Николаем, так что неоднократно Николай был свидетелем их разговоров. Поражали смелые и очень умные речи человека, которого Борис назвал Буковским. Постепенно Николай проникся идеями, которые обсуждались диссидентами, многих из которых он видел, но с которыми так и не познакомился. А когда Борис зачи-

тал свой (в соавторстве с Виктором Кузнецовым) проект новой конституции СССР, Николай ощутил острое чувство сопричастности к исторически значимым событиям, и автору не удалось отговорить его подписываться в поддержку этого проекта. Всё-таки Борис предупредил, что это очень опасно, и строго посоветовал не подписывать больше никакие письма, так как этим, по мнению Бориса, должны заниматься профессиональные диссиденты, правозащитники. В дальнейшем Николай строго следовал этому совету. Во второй половине семидесятых началась волна еврейской эмиграции, и Борис Ефимов уехал из страны, чтобы избежать преследований со стороны органов безопасности. Он написал Николаю два письма из Израиля. Потом переписка прекратилась. Каким-то образом до Николая дошли слухи, что Борис перебрался в ФРГ и работает на одной из «вражеских» радиостанций.

Через неделю после беседы Николая с комитетчиками состоялось внеплановое общее собрание отдела. Обсуждались предварительные итоги выполнения соцобязательств. Выяснилось, что группа Николая Рябова единственная в отделе безнадежно выбилась из графика работ, и, как следствие, отдел в целом не сможет вовремя рапортовать о выполнении своих социалистических обязательств. Активисты отдела припомнили Николаю и его опоздания на работу (забыв, правда, о том, что очень часто Николай задерживался в отделе до полуночи и даже позднее), и его отказы под разными предлогами от работ по уборке картофеля и на овощной базе, и уклонение от участия в общественной жизни коллектива. Николаю объявили выговор, а начальник отдела пригласил его в свой кабинет и дружески посоветовал подать заявление об уходе по собственному желанию. Больше месяца Николай болтался без работы, что вызывало неосознанно тревожные чувства в связи с образовавшейся «дыркой» в непрерывном рабочем стаже. Попытки устроиться на работу по специальности к успеху не приводили. Подвернулась было возможность поступить в очную аспирантуру оптико-физического института на открытую тему «Исследование эффекта Джефферсона». Николай блестяще сдал все экзамены, но неожиданно выяснилось, что тема не финансируется и место в аспирантуре ликвидируется. Будучи безработным, он подвергался риску быть осуждённым за тунеядство, что грозило в лучшем случае высылкой из Москвы. Именно это беспокоило Николая больше всего. Зарплаты в институте ему хватало разве что на пять-шесть посещений ресторана, а основной доход составляли гонорары за несколько песен, которые стали известны благодаря популярности групп «Крузиз» и «Араке», которые их исполняли. Кроме того, карточные игры время от времени существенно пополняли его бюджет.

Прошло несколько месяцев безбедного, но очень шаткого существования, а проблема трудоустройства оставалась нерешённой. Как всегда в таких ситуациях, всё решила госпожа Фортуна. Именно ей и посвятил Николай одну из самых удачных своих песен с припевом:

«Фортуна к каждому из нас
Стучится в дверь хотя бы раз,
Не заставая дома нас
Подчас».

Случилось так, что по воле случая в одном из теплофизических НИИ работал на высокой должности близкий друг старшего брата Николая, Захар Хазин, который, выполняя поручение брата, проживавшего в Литве, разыскал Николая, долго беседовал с ним, проникся сочувствием и предложил место инженера в своём институте. Николай подал заявление о приёме на работу. Через несколько дней его пригласили в отдел кадров института. Удивлению Николая не было предела, когда его встретили три чиновника, в том числе и старые зна-

комые, Юрий Серафимович и Иван Иванович. Приветливо улыбаясь, они пригласили Николая присесть:

– Добрый, добрый день, Николай Петрович! Очень приятно, что вы решили продолжить деятельность в качестве инженера, – начал Иван Иванович.

– Инженера-исследователя, – продолжил Юрий Серафимович, – и мы надеемся, что вы отдадите все свои силы и способности развитию теплофизической науки.

Оба комитетчика уставились на Николая, ожидая от него ответа.

– Да, конечно! – не найдя ничего более остроумного, ответил Николай.

– К нам поступило ваше заявление о приёме на работу, – неловко ёрзая на стуле, начал было третий, судя по всему, начальник отдела кадров.

– Да... – подтвердил Николай.

– Прежде чем передать ваше заявление на подпись директору, мне хотелось бы, чтобы вы побеседовали с глазу на глаз с нашими... – кадровик замялся немного и продолжил, – ...товарищами, уже знакомыми вам.

Василий Васильевич, а именно так звали кадровика, встал, собрал свои бумаги в папку и суетливо вышел.

– Николай Петрович, – доверительным тоном произнёс Иван Иванович, – это не первая наша встреча, и, надеюсь, наши отношения стали развиваться в правильном направлении, как вы думаете?

Николай не знал, как надо реагировать на этот вопрос, и промямлил:

– Да, конечно!

– Ну, вот и хорошо! Если мы дадим вам хорошую рекомендацию, у вас не будет никаких проблем с зачислением в штат института, – продолжил Иван Иванович, – ведь мы же теперь, можно сказать, союзники.

– Мы вам помогаем, а вы нам поможете, – подхватил Юрий Серафимович.

– А чем же я вам могу помочь? – недоуменно развёл руками Николай.

– Ваша готовность помочь весьма похвальна. Вы поддерживаете отношения с Борисом Ефимовым? – Иван Иванович испытующе глянул в глаза Николаю.

Этот вопрос застал его врасплох: они и это знают...

– Ну, как Вам сказать... – замялся Николай.

– Как есть, так и сказать!

– Но он же уже эмигрировал...

– Вы переписываетесь с ним? – Юрий Серафимович, заметив некоторую растерянность Николая, улыбнулся, – не надо смущаться, ничего крамольного в этом нет, продолжайте переписываться с ним.

– А вот с его соавтором неплохо было бы наладить дружеские, так сказать, отношения, – добавил Иван Иванович.

– Это с кем это? – удивился Николай.

– С Виктором Кузнецовым. Вы разве с ним не знакомы?

– Нет!

– Так попросите Бориса Ефимова дать вам рекомендацию и познакомьтесь с Виктором. Надеемся, что вас не обременят ежемесячные встречи с ним, желательно, у него дома. Нас очень интересуют его образ жизни и круг его знакомых, – Юрий Серафимович достал из папки листок бумаги, – и мы хотели бы получить от вас расписку о неразглашении наших переговоров.

– Да, для дальнейшего общения мы рекомендуем вам взять псевдоним, – Иван Иванович переглянул с Юрием Серафимовичем, получив от него одобрительный кивок головой, – ну, например, Кириллов Александр. Не возражаете?

– Нет, – хотел возразить Николай, абсолютно не готовый к такому повороту событий.

– Ну, вот и славно, – не возражаете! – Юрий Серафимович придвинул к Николаю бумагу и ручку, – пишите!

Вернулся Василий Васильевич.

– Мы считаем, что в лице Николая Петровича Рябова ваш институт приобретёт ценного сотрудника, – обратился к нему Иван Иванович.

– Как просто стать иудой, – подумал Николай и подписал всё, что требовалось от него.

Через день он вышел на работу. Его тепло встретил начальник лаборатории, профессор, доктор технических наук, Семён Осипович Сирота. «СОС!» – мысленно сложил в аббревиатуру его инициалы Николай. Как потом выяснилось, именно так и звали его в институте.

– Зовите меня просто Семён, – представился он.

С ним у Николая сразу же установились очень хорошие отношения. Вместе ходили в институтскую столовую, и Сирота рассказывал Николаю, чем занимается лаборатория и какие задачи стоят перед ней. Всё это было интересно, но конкретной темы для него не было, и Николай выполнял разовые задания от разных сотрудников. Прошло недели три, и Николай начал забывать о тех условиях, на которых его приняли на работу. Однако, один из его кураторов, Иван Иванович, позвонил как-то, ровно в конце рабочего дня:

– Добрый день, Николай Петрович! Вы познакомились с Виктором Кузнецовым? Нет ещё? Не тяните с этим...

Адрес Виктора Николай знал. Иван Иванович подробно рассказал, как и когда лучше всего навестить его, и Николай решил не дожидаться рекомендаций от Бориса, а поехать к Виктору и рассказать ему всё, как на духу!

Семья Кузнецова, жена и две дочери, проживала в малогабаритной квартире «хрущёвской» пятиэтажки города Пушкино. Более чем скромная обстановка не стала неожиданно для Николая. Он уже знал, что Виктор работает художником-оформителем в клубе, а жена – медсестрой. На их зарплаты не похикуешь! Вся семья сидела за столом. Обедали. Николай представился другом Бориса Ефимова. Виктор радушно пригласил его к столу, хозяйка поставила перед Николаем миску с молочным супом и извинилась:

– Простите нас, мы не ждали гостей. Чем богаты... Разделите с нами нашу трапезу. Больше ничего в доме нет.

Во время обеда обсудили последнюю выставку в Пушкинском музее, поделились впечатлениями от переписки с Борисом. После обеда жена Виктора ушла с детьми на прогулку, и Николай, собравшись с духом, заявил:

– Я – стукач и выполняю первое своё задание. Я должен докладывать о том, как вы живёте, чем дышите, с кем общаетесь... Мне очень стыдно, но меня вынудили подписаться на это...

Виктор стоял перед Николаем, ошарашенный его заявлением. Вокруг него увивалось немало соглядатаев, которые прикидывались друзьями, но все они тщательно маскировались, хотя, как показывает опыт, скрыть это едва ли возможно.

– Что им надо от меня? Чем я им насолил? – после некоторой паузы огорчённо выдал из себя Виктор.

– Ты знаешь, эти вопросы и я задаю себе. Чёткого ответа не нахожу. Ясно, что никакой опасности для страны мы не представляем, но им, КГБ, надо как-то оправдывать своё безбедное существование. Это первое.

– Что им надо? Что надо?

– Кроме того, им не нужны честные люди, люди с чувством собственного достоинства и самоуважения, болезненно реагирующие на все мелкие и крупные проявления несправедливости со стороны государства. Это второе. Ну, вспомни хотя бы процессы над Синявским и Даниэлем. Им просто нужна рабочая сила, безмолвная и послушная...

Николай попытался подробно рассказать свою историю взаимоотношений с комитетчиками, но Виктор слушал его без особого интереса, время от времени покачивая головой, типа: «Достали!». Был он бледен, и, как Николаю показалось, весьма испуган.

– Не волнуйся, у меня есть предложение, – Николай встал и медленно зашагал по комнате, – давай вдвоём сочинять доносы на тебя. Будем писать так, как выгодно нам.

– Ты рискуешь. Если твои показания будут расходиться с показаниями других стукачей, тебя возьмут в разработку.

– Да я и так, наверняка, в разработке у них, – Николай сел за стол и продолжил, – вот сегодня: опишем, в какой нищете живёт твоя семья, никто к тебе не приходил и не звонил, «Самиздат» ты мне не предлагал, «Хроники» я у тебя не видел. Всё. В следующий раз придумаем что-нибудь подобное. Ну, как? Идёт?

Виктор помолчал некоторое время и, слегка хмыкнув, протянул руку Николаю:

– Идёт!

Глава 3

Ещё будучи студентом, Олег Кротов проявил живой интерес сначала к современной живописи, а вскоре и к иконописи. Целыми днями он пропадал в мастерских «левых» художников. Среди них были и ставшие впоследствии известными и даже знаменитыми, такие, как Оскар Рабин, Михаил Гробман, Эрнст Неизвестный и другие. С кем-то из них Олега связывали не только дружеские, но и деловые отношения, а, примкнув к группе кинетистов «Движение» во главе со Львом Нусберггом и Франциско Инфанте, он даже участвовал со своей кинетической моделью в их знаменитой выставке в Курчатовском институте. Активно общаясь с художниками, Олег изрядно поднаторел в искусствоведении и организовал в своём институте клуб любителей искусств «Экстремум». Первые выставки в стенах института, сделавшие клуб весьма популярным среди московской интеллигенции, проходили довольно гладко с молчаливого согласия институтского парткома. Обсуждения выставок собирали толпы студентов и москвичей. Комсомольцев возмущало беспардонное отступление художников от принципов соцреализма.

Художники, как могли, отбивались от нападавших на них активистов, ломая сложившиеся стереотипы восприятия. Так, например, на выставке Эрнста Неизвестного один из студентов, критикуя работы Эрнста, заявил:

– Видно, что вы – профессионал, в отличие от многих других, которые и рисовать-то не умеют! Вот в вашей скульптуре изображён нагой человек. Всё у него, как у человека. Голова – как голова! Ноги – как ноги! И рука – как рука, но зачем он, человек, этой рукой рвёт себе грудь? И зачем эта дыра, натуральная дыра у него в груди?

– Видите ли, молодой человек, – спокойно отвечал Эрнст Неизвестный, – чем дыра дырее, тем рука рукее!

– А нога – ногее! – подхватил кто-то из толпы.

Такой демократизм продолжался недолго. Когда началось гонение на поэта Иосифа Бродского, его объявили тунеядцем, судили и приговорили к высылке из его родного города Ленинграда, Олег в рамках очередного устного выпуска «Экстремума» организовал в комнате отдыха своего факультета встречу студентов с поэтом. Иосиф читал свои стихи вдохновенно, очень выразительно и старательно. Высокий лоб поэта постоянно покрывался потом, и время от времени ему приходилось делать передышки и тщательно вытирать пот с лица. Нельзя сказать, что его стихи производили сильное впечатление, нет, среди студентов были тоже неплохие поэты, однако, Бродский был мучеником, а к мученикам у нас отношение особое! После встречи Олег собрал со студентов пожертвования и на дружеском чаепитии вручил поэту конверт с небольшой суммой денег. Это мероприятие не могло остаться незамеченным, и через пару дней Олега вызвал на ковёр секретарь парткома института Иван Николаевич по фамилии Великий. Всё: и громовой голос, и громадный рост, и крупные черты лица со скошенным к затылку лбом – всё на все сто оправдывало его фамилию.

– Что означает ваше название «Экстремум»? – начал Великий.

– «Экстремум» – это взлёт достижений советского искусства, – Олег описал рукой полуволну с положительной амплитудой, – и падение западного, – рука описала полуволну с отрицательной амплитудой.

– Ну, хорошо! А что это за выставку голых баб вы здесь устроили? Кто этот художник?

– Максимов, член МОСХа, – спокойно ответил Олег.

– Этот пусть висит! Я не для этого вас вызвал. В субботу вы устроили встречу с этим тунеядцем, как его, «Броцким»? И собирали для него деньги! Что это такое, я вас спрашиваю! – гремел Великий.

– Он интересный поэт, согласился почитать стихи, а мы собрали деньги и оплатили ему дорогу.

– Ну, вот что! Я запрещаю вам и вашему «Экстремуму» впредь без моего разрешения устраивать подобные встречи и выставки! И прошу за разрешениями ко мне не обращаться! Вы всё поняли? Учиться надо, а не поощрять всякое тунеядство! Всё! Идите!

На этом деятельность клуба закончилась без всяких последствий для его организатора.

На лекции в институте Олег практически не ходил, стараясь, правда, не пропускать практические занятия. Экзамены сдавал успешно, благодаря блестяще отработанной технике списывания: или с учебника, который каким-то, лишь ему известным, способом он проносил на экзамен и умудрялся, сидя на нём, не только находить нужные страницы, но и перелистывать их, или со шпаргалки, заготовленной традиционным способом в виде длинной гармошки с таким мелким текстом, что прочитать её не мог никто, кроме него. Эту способность сдавать экзамены время от времени Олег использовал как средство заработка, сомнительного, но стабильного. Стоимость экзамена, сданного за какого-нибудь нерадивого заочника, доходила до пятидесяти рублей, а зачёта – до тридцати. И в Горном, и в Бауманском, и в Стали и Сплавов под разными фамилиями он сдавал экзамены как общетеоретические, что не требовало от него большой ловкости, так и специальные, например, «Горнометаллургическое оборудование» или «Основы химводоочистки». Лишь однажды в МВТУ им. Баумана на экзамене по ТОЭ преподаватель-экзаменатор заподозрил что-то неладное:

– Молодой человек, не вы ли в прошлом году сдавали мне ТОЭ в Горном институте? Ваша фамилия, кажется, – на минуту он задумался, – Струков. Не правда ли?

Действительно, под этой фамилией в Горном институте Олег сдал немало экзаменов, практически все – со второго по четвёртый курс.

– Вы ошибаетесь! – невозмутимо ответил Олег, – моя фамилия – Бесфамильный! Василий Бесфамильный!

По иронии судьбы именно эту фамилию носил заочник-заказчик. Несколько раз Олег ловил на себе пристальный взгляд преподавателя, но всё окончилось благополучно, проверки документов не последовало.

К окончанию института Олег сколотил небольшое состояние, которое позволяло ему чувствовать себя материально независимым человеком. Более того, накопленных денег хватало не только для того, чтобы пренебречь службой на производстве, но и для выгодных вложений в различные варианты теневого бизнеса.

С подачи своего партнёра по карточным играм, Николая, Олег завёл много перспективных знакомств в мире музыкального андеграунда. Учитывая фантастический интерес молодёжи к запрещённой де-факто рок-музыке, он придумал схему организации концертов наиболее популярных групп, таких, как «Мифы», «Второе дыхание», «Удачное приобретение», «Кардиналы», «Скоморохи» и др. В каком-нибудь кинотеатре выкупались все билеты на вечерние сеансы в среднем копеек по сорок, и с помощью хорошо отлаженной пирамиды посредников они распространялись в течение суток. Без рекламы! При полном аншлаге! Стоимость сольного концерта группы не превышала двухсот-трёхсот рублей, так что при стоимости билетов от двух до трёх рублей в хорошем кинотеатре Олегу удавалось снимать по пятьсот и более рублей, что превышало месячную зарплату академика.

Интерес к изобразительному искусству тем временем постепенно трансформировался в страсть коллекционирования. Сначала – любых понравившихся произведений, потом – коммерчески наиболее выгодных. Вскоре он понял, что на чёрном советском рынке вне конкуренции – русская икона. Олег досконально изучил всю имеющуюся в московских библиотеках литературу по иконописи и реставрации и организовал рейды по деревням центральной России в поисках старых икон. Скупал их, как правило, за бесценок. Попадались и редчайшие экземпляры: 15-го, 16-го, 17-го веков. Часто это были в несколько

слоев записанные в более поздние века доски. На первый взгляд они не представляли абсолютно никакой ценности. Вот здесь-то и раскрылся потрясающий талант Олега – практически безошибочно увидеть истинный шедевр в такой доске, за которую рядовой коллекционер не дал бы и гроша ломаного. Коллекция росла, количество переходило в качество за счёт сформировавшегося обменного фонда, доски из которого всё чаще и чаще уходили за бугор. Сначала основными клиентами Олега были нигерийские студенты из Университета Дружбы Народов. Они, пользуясь привилегиями своих родственников-дипломатов, беспрепятственно переправляли через границу иконы, в основном, небольшого размера. Однако вскоре появилась необходимость в отправке крупногабаритных досок. Их поставлял Олегу некий Пётр Измайлов, поп-расстрига, алкоголик и пройдоха, неплохо разбирающийся в иконописи. Олег никогда не спрашивал у своего поставщика, откуда у него такие редкие, явно не коллекционные иконы, т. к. и сам чувствовал их криминальное происхождение. Большинство этих досок производили сильное впечатление не только своими размерами, но и, прежде всего, качеством письма, школьного, не деревенского. Они могли бы украсить собрание любого из самых знаменитых коллекционеров того времени, будь то Глазунов, Солоухин или сам Щёлоков, но в своей коллекции Олег не мог найти им места, т. к. были они слишком уж приметными. Проблема их продажи была решена просто и очень эффективно. Уже несколько лет Олег прифарцовывал музыкальной аппаратурой, которую скупал у приезжих гастролёров, поляков, болгар и югославов. Сначала это были инструменты: гитары, синтезаторы, микрофоны. Расплачивался рублями, реже валютой и, чтобы избежать проблем на таможне, укомплектовывал задекларированную аппаратуру либо совковыми, либо самопальными аналогами. Потом дело дошло и до акустики, инструментальной и голосовой. Тут-то Олега и осенило, – а почему бы взамен закупленных колонок не отправлять самопальные, но сделанные из тех самых, крупногабаритных, икон? И поляки и южки охотно впряглись в эту челночную контрабанду. Состояние Олега стремительно росло. Вскоре он стал не только обладателем прекрасной коллекции икон и почти миллиона рублей наличными, но и хозяином нескольких комплектов первоклассной музыкальной аппаратуры и самых современных инструментов, которые он сдавал в аренду музыкальным коллективам, предпочитая среди них ресторанных лабухов, делая, правда, исключения для очень популярных и уважаемых в народе концертирующих групп, таких, как «Крузиз».

Глава 4

В той памятной игре в секу Георгий был в доле у Гиви одной пятой. Этого было достаточно, чтобы на длительное время погрузиться в обременительные и унижительные долги. Денег, зарабатываемых с ансамблем на танцах, едва хватало на пропитание и оплату съёмной комнаты. Но нет худа без добра. Хроническая нехватка денег и патологическая ответственность перед кредиторами подстегнули в Георгии нестерпимое желание сбросить с себя бремя долгов и тем самым разбудили в нём дремавшие до сих пор творческие возможности. Хорошее домашнее воспитание и влияние элегантной преподавательницы музыкальной школы ещё в юношеские годы выработали в Георгии устойчивое чувство вкуса. Это касалось, прежде всего, музыкальных предпочтений как в классике, так и в современных жанрах. Что касается рока, вне всякого сомнения, творчество «Битлз» представлялось ему божественно недостижимым, и робкие попытки собственного сочинительства, как правило, заканчивались безжалостным самобичеванием и уничтожением написанного. Такая самокритичность постепенно выработала в нём что-то, подобное комплексу собственной творческой неполноценности, и в зрелые годы он долго ограничивал себя только исполнительской деятельностью в качестве мультиинструменталиста ансамбля. Тем не менее, когда к нему поступило предложение написать аранжировку к песне от широко известного в узких музыкантских кругах композитора Вано Кипиани по кличке Кипа, он согласился и сразу получил предоплату в размере пятидесяти рублей. На следующий день они встретились у Кипы на даче в подмосковной Жуковке. В холле стоял прекрасный белый рояль. Кипа оседлал табурет, аккуратно открыл крышку инструмента, на мгновение замер, откинув назад голову с кипой кудрявых чёрных волос, и одним пальцем наиграл мелодию песни, издавая губами в такт изображаемой музыке звуки, похожие на шипение ёжика.

– Ну, как? – спросил композитор.

– Я ничего не понял, – признался аранжировщик.

– Что ты не понял? – искренне удивился композитор.

– Гармонию...

– Главное в песнюшке – это мотивчик, понял? А гармонию сам придумаешь, на то ты и аранжировщик, – заявил Кипа, захлопнул крышку рояля и вручил Георгию кассету, – здесь записано всё то, что ты только что прослушал.

– А слова? – спросил Георгий.

– А вот и слова, – Кипа достал из папочки листочек с текстом, – и пойдём, попьём пивка, а то жарковато что-то...

Наутро Георгий первым делом прослушал полученную от Кипы кассету.

– Какая наглость! Нулевой материал! – подумал он и принялся обдумывать сложившуюся ситуацию, – конечно, в мелодии что-то есть, и с другим текстом она могла бы прозвучать... с некоторыми изменениями, но что делать с гармонией?

Георгий выключил магнитофон и пошёл в ванную комнату. Утренние полуторачасовые водные процедуры давно вошли в ежедневную привычку. Он наливал тёплую воду, согревался, намыливался, тщательно массируя голову своими жёсткими ногтями, а грубой мочалкой – всё тело, и блаженствовал ещё не менее часа, машинально вылавливая на поверхности воды всплывающие волосы, скатывал их в комочек и выбрасывал потом в канализацию. Заканчивался сеанс контрастным душем с холодной водой в завершение. Этими процедурами Георгий убивал сразу двух зайцев. Во-первых, таким образом он эффективно восполнял недостаток воды в организме, что позволяло ему выпивать чистой воды не более литра, вместо необходимых двух с половиной, часть из которой всё равно проскакивала вхолостую,

не участвуя в биохимических реакциях на клеточном и молекулярном уровне. Ну, а контрастный душ надёжно поддерживал защитные силы организма, мобилизуя его иммунную систему. И, кстати, Георгий уже забыл, когда он последний раз болел простудой или гриппом. Во-вторых, и это было самое важное для него, он надёжно уединился, погружаясь в мир собственных фантазий, размышлений, переживаний и прочее, включая, естественно, и обдумывание планов на ближайшее будущее. После прослушивания плёнки Кипы все мысли Георгия сосредоточились вокруг заказанной ему песни. Он вспомнил текст и, отталкиваясь от его содержания, постарался представить себе характер ритмического и гармонического сопровождения. В мозгах неотступно крутилось что-то в стиле реггей, и это как нельзя лучше соответствовало энергичному тексту припева. Сложней дело обстояло с запевами. После ванны Георгий выпил чашку крепкого кофе, проглотил пару бутербродов с сыром, быстро настроил свою акустическую гитару «Эвейшен» и принялся за сочинение фактически новой песни, пытаясь хотя бы фрагментарно использовать авторский мотивчик. К вечеру песня была готова. Более того, в ней можно было, правда, включив на всю катушку своё воображение, услышать даже авторские нотки. Георгий набросал клавиш, разложил всё по инструментам, опираясь на традиционный состав с барабанами, клавишами, двумя гитарами и басом и набрал номер телефона композитора:

– Готово!

– Приезжай, покажешь, – равнодушным голосом ответил Кипа.

Композитор, облачённый в шикарный атласный халат, подпоясанный кушаком с кистями, встретил аранжировщика спокойно, но его вопросительные взгляды не могли скрыть любопытства и нетерпения:

– Ну, показывай, что там у тебя?

– Вот, – Георгий протянул Кипе ноты.

Композитор не спеша повертел бумажки в руках и отложил их в сторону:

– Да ты лучше наиграй мне на рояле.

– А что наиграть-то? Партию барабанов я не смогу показать, гитару на рояле тоже не будет убедительно...

– Только не надо лечить меня, – повысил голос Кипа, – мне надо будет показывать это произведение на худсовете, давай играй.

– Ну, хорошо, попробую, – сказал Георгий, немного подумав. Медленно, собираясь с мыслями, он подошёл к инструменту и открыл крышку:

– Вот гармония, – прошёлся аккордами по клавишам Георгий.

– Сыграй всё вместе: и канту и гармонию, – нетерпеливо попросил Кипа.

Георгий пробежался по клавишам. Запевы слушались убедительно, но после припева в проигрыше, где должна звучать гитара, немного запутался и вернулся в начало.

– Стоп, стоп! Так дело не пойдёт, – Кипа достал бумажку с текстом, – давай с вокалом.

Наконец, Георгий понял, чего ждёт от него Кипа:

– У меня, правда, плохой голос...

– Это не важно! Нужно продемонстрировать произведение, как на худсовете.

Георгий красиво сыграл вступление и запел. Голос был не громкий, но далеко не отвратительный. И, главное, пел он очень чисто и выразительно, кое-где позволяя себе отпевания и даже вокализы. По лицу композитора было видно, что ему нравится песня, в которой он с большим трудом узнавал своё произведение.

– Ну, что ж, кажется, ты справился с заданием. Во вторник худсовет на «Мелодии», пойдёшь со мной, поможешь мне.

– Хорошо, – скромно ответил Георгий и начал собираться.

– А пивка? – Кипа взглядом показал на журнальный столик, уставленный бутылками фирменного пива.

Георгий старался обходиться без спиртного – и не только потому, что алкоголь приводит к обезвоживанию организма что является первопричиной многих патологий, но и потому, что ему не нравилось состояние опьянения, по крайней мере, такого, при котором начинало теряться чувство самоконтроля. Правда, время от времени он позволял себе кружечку-другую пивка после хорошей баньки с друзьями.

– Ну, что? – продолжал Кипа, жестом правой руки приглашая Георгия к столу.

Отказаться от чешского пива в данной ситуации было бы, наверное, неправильно, тем более, что Георгий чувствовал необходимость поговорить с Кипой, и это был замечательный повод.

– Хорошо, но недолго, – согласился Георгий.

Первый же стакан пива вызвал приятное головокружение, и Георгий забыл, о чём он хотел поговорить с Кипой, а когда вспомнил, решил отложить разговор до лучших времён. Обсудили качество чешского пива, вспомнили несколько не очень сальных анекдотов...

– А вот ещё один, – улыбнулся Кипа и продолжил, – у армянского радио спрашивают: «Чем обладание отличается от самообладания?»

– Ну, и чем же? – Георгий с интересом глянул на Кипу.

– Армянское радио отвечает: «После самообладания поговорить не с кем!»

Георгий хмыкнул, изображая нечто подобное улыбке.

– А классику ты слушаешь? – сменил тему разговора Кипа.

– Естественно...

– А что именно?

– Я люблю Вагнера, из современных – Гиви Канчели...

– А я – Моцарта и Чайковского! Два гения! – заявил Кипа. – Да! Согласен!

– Хотя и геи! – хитровато улыбнулся Кипа.

– А что такое геи? – простодушно спросил Георгий.

– Геи – это гомосексуалы.

– Как это?

– Ну, ты даёшь! – искренне удивился Кипа, – придётся прочитать тебе целую лекцию. Слушай. Гомосексуализм – это любовь к тому же полу, мужчины к мужчине или женщины к женщине. Однополая любовь была известна еще неандертальцам.

– А откуда это известно?

– Об этом свидетельствуют недвусмысленные наскальные рисунки, найденные археологами, – спокойно ответил Кипа и продолжил, – а во многих индейских племенах и в наше время считается, что самый надёжный способ стать настоящим воином – это регулярно глотать сперму взрослого воина, желательного, смелого и сильного. А в Древней Греции любовь к мужчине безоговорочно считалась и возвышенной и изысканней, чем любовь к женщине. «Возлюбленный, будучи уличён в каком-либо неблагоприятном поступке, стыдится больше всего тех, кто его любит. И если бы возможно было образовать из влюблённых и их возлюбленных государство или, например, войско, такие люди даже и в малом числе побеждали бы любого противника: ведь покинуть строй или бросить оружие влюблённому невозможно при любимом, и нередко он предпочитает смерть такому позору», – писал Платон. А Геродот писал, что и персы предаются всевозможным наслаждениям и удовольствиям по мере знакомства с греками. Так, они заимствовали у эллинов любовное обращение с мальчиками. Напротив, знаменитый философ и историк Лосев считал, что однополая любовь была первоначально распространена в древней Персии, откуда перекинулась на Грецию, когда между этими странами завязались прочные отношения. И в наше время многие выдающи-

еся люди были «голубыми». Как можно не заслушаться до умопомрачения музыкой Чайковского, Моцарта, Паганини? А Ойстрах? А Оскар Уайлд, ты его хоть что-нибудь читал?

Кипа говорит, как по писаному, щедро ссылаясь на имена знаменитостей. Такое впечатление, что весь этот текст он произносит не первый раз. Не забывал он время от времени и доливать пива в опустевшие кружки.

– Кстати, – продолжал Кипа, – Гиппократ утверждал, что такие связи весьма полезны, поскольку «мужественность и другие положительные качества взрослого мужчины через его семя передаются подросткам», а ему самому – здоровье.

– Да, но именно это Библия называет «содомией» и осуждает как блуд: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною, – это мерзость», – так написано в Ветхом Завете, если мне не изменяет память, – не без возмущения возразил Георгий, которому стала надоедать тема, заинтересовавшая его поначалу так, что по телу забегали мурашки и он почувствовал лёгкое возбуждение.

– Ты прав. В христианские средние века Инквизиция объявила мужеложство порождением дьявола, ничуть не меньшим, чем колдовство или ересь. Правда, на Руси к гомосексуалам относились спокойнее, чем на Западе, вернее, наказания были мягче.

– Но что это всё? Болезнь?

– Ты знаешь, я не врач, но уверен, что в природе человека очень много неизученных и, тем более, неизвестных тайн межличностных, межполюх и однополюх отношений. Многие считали и считают это патологией, болезнью. Но вот не так давно американскими генетиками был открыт ген гомосексуализма. Он есть у каждого мужчины, как бы ты ни пытался мне возразить, что у тебя его нет и быть не может по определению. «Ведь я люблю женщин!!! – скажешь ты мне. – Какой же я «гомосек»?» Но ген у тебя есть все равно!

Последние слова Георгий слышал уже в полудрёме.

– Э, да ты, я вижу, уже готов! – с лёгким разочарованием произнёс Кипа, – ну, что ж, пора и спать!

Георгий встрепенулся:

– Да, да! Я поехал!

– Куда ты поедешь? Времени-то сколько? – Кипа показал на часы, – ты и такси уже здесь не поймаешь! Останешься у меня.

– Ну, хорошо, – кивнул, соглашаясь, Георгий.

– Иди в туалет и ванную, – Кипа зевнул и отпил ещё пива, – а я приготовлю тебе постель.

Минут через десять Георгий вышел из ванной. Кипа сидел на краю разложенного большого дивана, застеленного чистым бельём с двумя подушками:

– Я вот думаю, стелить тебе отдельно или нет? Диван большой – места хватит!

– Конечно, конечно! – согласился Георгий.

– Ну, и отлично! – воскликнул Кипа, – ложись, а я – в ванную!

Георгий лёг и сразу отключился, лёжа на правом боку, и сквозь сон ощутил чьи-то объятия. Грезилась незнакомая женщина, но вдруг что-то, как рукой, сорвало его грёзы. Он сквозь плавки ощутил на себе какое-то настойчивое давление. Георгий встрепенулся, хотел что-то сказать, но понял, что не знает, что... А Кипа дрожащим и срывающимся от волнения и возбуждения голосом произнёс:

– Жор, а, Жор! Сними плавки-то.

– Вану, – с лёгким смешком начал Георгий, отодвигаясь от Кипы, – где твоё самообладание?!

– Жор, ты же знаешь, что после самообладания поговорить не с кем!

– Возьми себя в руки, Вану, – продолжил Георгий, – а потом я поговорю с тобой.

Он сказал это жёстко, старательно выговаривая каждое слово. Интонация фразы не оставляла Кипе никаких надежд на эротическую экспансию. Оба отодвинулись друг от друга, и Георгий крепко заснул. Кипа переместился на край дивана и, активно взяв себя в руки, предался самообладанию, которое длилось почти до самого утра.

Никогда потом ни Георгий, ни Кипа не вспоминали об этой ночи и никогда не начинали друг с другом разговоров на темы однополрой любви.

Глава 5

Быстротечно время... не успел проснуться, уже опоздал. СОС! Он выручит! Задним числом командирует куда-нибудь. Николаю нравилось работать под началом Семёна Осиповича. С ним он не чувствовал себя закомплексованным молодым специалистом. Обстановка в лаборатории тоже располагала к свободному общению сотрудников друг с другом. В случае необходимости каждый мог рассчитывать на помощь любого из коллег. Николай охотно делился своим, правда, не очень богатым опытом и не упускал даже малейшей возможности воспользоваться опытом других, без риска встретиться с чьим-нибудь укоризненным взглядом или даже насмешкой, как бывало, и не раз, в ИВТАНе. Работа по теме диссертации продвигалась довольно успешно, и вырисовывалась реальная возможность завершить её к окончанию аспирантского срока. Редкий случай. Только теоретикам удавалось в срок закончить тему и «положить на стол диссертацию». А начиналось всё весьма курьёзно.

Николая приняли в институт на инженерную должность. Собственной темы не было, и он выполнял разовые поручения. В основном, это были расчётные работы. Однажды Николай встретился в институтской столовой со своим «благодетелем» Захаром Хазиным, старшим научным сотрудником отделения тепловой автоматики, и посетовал на отсутствие самостоятельной темы.

– Что? – удивился Захар, – разве СОС так и не придумал для тебя ничего?

– Да нет!

– Вот что, – немного подумав, сказал Захар, – зайди ко мне после обеда.

Захара и Алексея Рябова, старшего брата Николая, связывала давнишняя дружба, основанная на производственных отношениях. Первый, будучи активным научным сотрудником, автором множества изобретений, испытывал и внедрял свои новшества, как правило, на электростанции, где Алексей работал главным инженером. Нередко оба они были соавторами изобретений. В командировках Захар жил у Алексея и чувствовал себя там как дома. И Алексей, будучи в Москве, никогда не останавливался в гостинице и пользовался гостеприимством Захара. Захар знал Николая ещё школьником, относился к нему как к своему младшему брату и всегда интересовался его судьбой.

– Есть идея, – начал Захар, – в зарубежной литературе появились сообщения о разработках нового кислородомера на базе твёрдых электролитов. Этот датчик развивает ЭДС, пропорциональную содержанию кислорода в дымовых газах в соответствии с законом, если мне не изменяет память, – Захар задумался, – кажется... с законом Нейквиста.

– И что? – Николай приготовился слушать дальше.

– Быстродействие этого кислородомера на порядок превышает быстродействие штатного, магнитного кислородомера, а точность и чувствительность – на несколько порядков. Его внедрение могло бы экономить до трёх процентов условного топлива.

– Но я – не автоматчик, к системам регулирования не имею никакого отношения, – начал было Николай, но Захар перебил его:

– Ты прав, системы регулирования – это моё дело, а я хочу предложить тебе разработать датчик кислородомера: во-первых, разобраться в принципе его действия, во-вторых, провести теплофизические исследования его свойств и дать рекомендации по внедрению этих датчиков в теплоэнергетике. Это могло бы быть темой твоей диссертации.

– Ну, хорошо, – Николай почесал затылок и наморщил лоб, – давай попробуем. Что ты можешь мне ещё рассказать по этому поводу?

– Ничего.

– А есть какие-нибудь ссылки на статьи по этой теме?

– У меня нет. – Да... не густо.

Вечером того же дня Николай уже сидел в Научной библиотеке и штудировал всё, что было связано с законом Найквиста. Однако концы с концами не сводились. Уравнение Найквиста не имело никакого отношения к твёрдым электролитам. На следующий день Николай начал «копать» с другого конца. Изучил структуру твёрдых электролитов, ознакомился с работой топливных элементов на их базе и наткнулся на уравнение Нернста, дающее формальное понимание принципа измерения концентрации кислорода. Именно, Нернста! А не Найквиста! Однако физика процесса была ещё не ясна. Тем не менее Николай решился на качественный эксперимент с целью получения ЭДС на примитивной твёрдоэлектролитной ячейке при подаче на её электроды газов с различным содержанием кислорода.

Он познакомил со своим планом Захара. Захар одобрил идею и помог собрать простейшую экспериментальную установку состоящую из муфельной печи, пробирки из стабилизированной двуокиси циркония, баллона с азотом и мультиметра. К дну пробирки с двух сторон прикрепили по проволочному электроду и замкнули цепь на измеритель напряжения. Когда температура печи, а, значит, и ячейки, достигла восьмисот градусов, внутрь ячейки подали азот, и ЭДС скачкообразно достигла одного вольта, но при этом пробирка лопнула, и ЭДС вернулась к нулевому значению. Результат эксперимента был признан, тем не менее, положительным. Захар собрал Научный Совет двух отделений, Физико-технического и Автоматики, на котором Николай рассказал о своих первых изысканиях, а Захар нарисовал радужные перспективы применения нового кислородомера в энергетике. Члены Совета одобрили представленный доклад и предложили Николаю поступить в аспирантуру на тему, которую сформулировали на этом же Совете. Экзамены Николай сдал без всяких проблем, в отличие от Миши Серых, который поступал вместе с ним и который мог завалить специальность, если бы не помощь Николая в то время, когда экзаменатор отлучился минут на пятнадцать. С этого началась их дружба, которая, правда, ограничивалась территорией института. Оба играли за отдел во всех командах. Михаил преуспевал в настольном теннисе и баскетболе, Николай – в футболе и шахматах. В работе они дополняли друг друга: Михаил – умелец, мастер на все руки, Николай – фантазёр, теоретик. Михаил помогал Николаю в изготовлении экспериментальной установки, Николай – в расчётах и осмыслении получаемых результатов. Однако работа Михаила продвигалась не так интенсивно, как у Николая. Приближался срок окончания аспирантуры, а материала для написания диссертации явно не хватало. Установка была собрана, испытана и готова к проведению опытов, желательно круглосуточных, чтобы не терять время на разогрев и на остановку. Людей для такого режима работ не было.

– Миш, а ты слышал, нам предлагают дипломников, теплофизиков из МЭИ, – заглянул к Михаилу Николай, – одного из них я знаю, толковый парень. Мог бы помочь тебе.

– Кто такой? – не отрываясь от журнала наблюдений, спросил Михаил.

– Виктор Казначеев. Мы учились с ним в одной группе до третьего курса, а потом его исключили из комсомола и из института за политику.

– Как это за политику? – у Михаила ручка выпала из рук, и он уставился на Николая.

– А-а... юношеская глупость, – Николай махнул рукой.

– А вот с этого места – поподробнее, пожалуйста. Михаил закрыл журнал наблюдений, повернулся лицом к Николаю и приготовился слушать.

– Ну, как тебе сказать, – задумался Николай, – помнишь, ещё в хрущёвские времена был такой диссидент, Пётр Григоренко?

– Да, конечно, помню – генерал Григоренко, «Союз борьбы за восстановление ленинизма»...

– Правильно. Так вот, у него в МГУ была молодёжная группа, довольно активная. Кажется, на философском факультете. Они даже листовки какие-то печатали. В эту группу входил дружбан Виктора, который оставил однажды у него стопку этих злосчастных листовок. С ними Виктора и взяли.

– И что дальше?

– А дальше – известно, что! Комсомольское собрание, исключение из комсомола, исключение из института, армия и т. д., и т. п.

– Ну, а дальше?

– После армии он поработал где-то, потом восстановился в МЭИ. А теперь успешно заканчивает его.

– Легко отделался, – Михаил хмыкнул, – а ты что – дружишь, что ли, с ним?

– Ты знаешь, в институте мы даже сидели с ним за одной партией, и на том собрании я единственный его пытался защищать!

– Зачем? – искренне удивился Михаил.

– Как, зачем? Он же был моим другом, это, во-первых, а, во-вторых, он же ничего криминального не совершил!

– Так, так... и что дальше, вы с ним, по-прежнему дружите?

– Ну, дружбой это назвать сложно. Когда он из армии вернулся, мы встретились на его свадьбе. Он женился на однокурснице. Потом я бывал у него дома, но редко. Как-то не клеились отношения. Он стал каким-то замкнутым. Что на него так подействовало, не знаю, но найти точек соприкосновения с ним я уже не мог.

– А о «Союзе борьбы» и генерале он рассказывал тебе что-нибудь?

– Да нет, он всегда избегал разговоров на эту тему, – Николай сделал недоуменное выражение лица.

– Может, он не доверял тебе?

– Не думаю, – Николай произнёс это так, как будто хотел завершить разговор на эту тему, – ну, что, возьмёшь его на диплом? Толковый парень – не прогадаешь!

– Уговорил, речистый!

Руководителем преддипломной практики Виктора стал Михаил, а тему его дипломной работы сформулировал СОС и стал его руководителем. Николай на правах старого друга помогал Виктору в расчётах и освоении теоретических основ предмета. Помощь дипломника-практиканта пришлась Михаилу как нельзя кстати, и объём его экспериментального материала стремительно наращивался. Теперь на обед они ходили втроём или вчетвером.

Глава 6

Работая над диссертацией, Николай не позволял себе «запойных» карточных битв. Лишь в исключительных случаях, когда маячил очень уж сладкий вариант, как правило, с подачи Олега, он, ссылаясь на недомогание, брал библиотечный день и «потрошил» очередного клиента с помощью полосатой колоды. Лишь однажды ему пришлось оказаться на грани позорного поражения. Клиент принёс с собой целую коробку фирменных пластиковых колод и изъявил желание «постучать» в деберц. Эта игра требует от игрока хорошей интуиции и тонкого расчёта возможных вариантов, сопряжённых с разумным риском. Соперник оказался очень опытным игроком, и Николай сражался с ним «на классе» почти всю ночь. Было сыграно не менее сорока партий. Счёт оказался ничейным. Под утро Николай заявил:

– Я кончил, хочу спать!

– Может, в «очечко» разомнёмся? – предложил с равнодушным видом Олег.

Ни слова не говоря, клиент собрал оставшиеся колоды и ушёл. Олег и Николай, молча, проводили его взглядами.

– Где ты его нашёл?

– Где, где? В Караганде, – раздражённо ответил Олег. – Тёртый калач!

– Ну, что делать-то будем? Спать поздно...

– А на работу – рано, – продолжил Николай, – ставь чай. Олег отправился на кухню, а Николай собрал последнюю играную колоду и, машинально перетасовав, положил её на середину стола. Затем подвинул к колоде настольную лампу и включил её.

– Олег! Иди скорей сюда! Скорей, скорей!

– Сейчас! Я завариваю чай.

– Да Бог с ним, с чаем. Иди сюда!

Олег с двумя стаканами и сахарницей подошёл к Николаю:

– Что за спешка?

Николай протянул Олегу колоду:

– Кажется, новый вид «ковки». Смотри внимательней, в отражённом свете! Видишь?

– Ничего не вижу! Чистая колода! – Олег поставил стаканы и ушёл за чаем.

Николай взял в руки колоду и медленно перелистал её рубашкой вверх.

– Есть! Понял!

– Что ты понял? – Олег поставил на стол чайник.

– Смотри! – Николай взял карту рубашкой вверх и показал её Олегу, – вот, чистая рубашка! А теперь, – он подвинул лампу совсем близко к карте, – средний листочек углового трилистника потемнел.

– Чудеса! – искренне изумился Олег.

Николай разложил всю колоду по мастям. У пики темнел левый листик трилистника, у трефы – средний, у бубны – правый, а у червы – черенок трилистника.

– Ковка работает при тепловом воздействии на карты! – сделал заключение Николай.

– Но во время игры никакой лампы рядом не было! – попробовал возразить Олег.

– А ты посмотри, как я держу карты после сдачи, – Николай взял веером девять карт (полная раздача в деберце), – что видишь?

– Вижу, как темнеют лепестки...

– Правильно! Потому что они нагреваются от моих рук! – Николай бросил карты.

– Гениально! – не мог скрыть своего восторга Олег, – но ты мог «улететь за всю масть»!!!

– Мог, но не улетел! По правде говоря, мне немного везло, – Николай покачал головой, что, видимо, означало: «Пронесло!»

– Ну, ты даёшь! – не переставал удивляться Олег, разливая чай, – всё-таки ты гений! Выстоять на классе против такого номера!!!

– Теперь ты понимаешь, почему он не стал играть с тобой в очко? – Николай с улыбкой посмотрел на Олега, – в очко масти не играют никакой роли!

– Теперь понимаю, естественно...

На некоторое время воцарилась тишина. Позвякивали ложечки в стаканах, да поскрипывали стулья. Каждый думал о своём.

– А чем ты сейчас занимаешься? – нарушил молчание Николай.

– Ну, ты знаешь ведь, что я собираю иконы. Их у меня, пожалуй, не один десяток, самых отборных. Я поднаторел в этом деле, прочитал всю доступную литературу на эту тему, перезнакомился со всеми реставраторами и в Москве, и в Ростове, и в Суздале, и во Владимире. И, ты не поверишь, я уверовал!

– Во что ты уверовал? – усмехнулся Николай.

– В Господа нашего, Иисуса Христа!

– Счастливый человек! А я вот верю только в то, что знаю!

И чем больше я узнаю, тем больше я понимаю, что ничего не знаю! А, значит, и ни во что не верю! А хотелось бы верить, что существует какой-то Вселенский Разум, который создал этот мир и управляет им.

– А ты слышал что-нибудь о Туринской плащанице? – спросил Олег.

– Естественно!

– И тебя это ни в чём не убеждает?

– А в чём это должно убеждать меня?

– Ну, хотя бы в исторической достоверности существования Иисуса Христа.

– Я читал кое-что о Туринской плащанице, в частности, отчёт комиссии по её изучению и видел негативное изображение лица на ней. Более того, у меня есть эта фотография. Она произвела очень сильное впечатление на мою верующую маму. Однако из выводов комиссии никак не следует, что это погребальная плащаница Христа.

– А отпечатки монет времён Понтия Пилата, которыми накрыты веки завернутого в полотно Иисуса? – Олег глянул на Николая так, словно только что довёл до его сведения убийственный аргумент в пользу истинности христианской реликвии.

– В лучшем случае этот факт свидетельствует о времени погребения, – Николай отпил глоток чая и продолжил, – правда, в случае более поздней фальсификации монеты тоже могли присутствовать...

– О какой фальсификации ты говоришь? – искренне возмутился Олег, – ведь изображение на плащанице проявляется только при её фотографировании. Ты серьёзно считаешь, что она может быть рукотворной?

– И не только я! В каком-то западном журнале, кажется, «Пари мач», писали, что уже было несколько успешных попыток реконструкции способа создания аналогичного изображения древними или средневековыми средствами. Так что никакого чуда в этом нет. А что касается возраста Плащаницы, то только радиоуглеродный анализ сможет дать точный ответ на этот вопрос, но её хранители не дают пока разрешения на такой анализ. И, кстати, две тысячи лет назад при погребении покойника его тело после натирания благовониями закутывали в узкие полоски ткани. Вспомни хотя бы воскрешение Лазаря. Так было принято. Едва ли Иосиф Аримафейский нарушил этот ритуал. Но при этом покрывало не могло соприкасаться с телом.

– Да, туринский архиепископ не даёт разрешения на радиоуглеродный анализ и правильно делает. Я думаю, что это связано с риском повредить реликвию, – убеждённо произнёс Олег, – но если анализ будет, то он подтвердит реальность и истинность реликвии.

– Но подтвердит ли божественную сущность изображённого на ней человека? – усмехнулся Николай, – а в историчности личности Иисуса даже я уже практически не сомневаюсь.

– Значит ты веришь в Иисуса? – с видом победителя заявил Олег.

– Я верю в то, что знаю. А знаю, например, что, помимо христианской литературы, упоминания об Иисусе содержат сочинения древних римских авторов: Тацита, Светония и Плиния Младшего. Это убедительно. Значительно убедительнее всего того, что можно прочесть в обширной, но противоречивой христианской литературе.

– Как это противоречивой? – возмутился Олег.

– Ну, это долгий разговор, и мы к нему можем ещё вернуться, а пока я напомним тебе о философе второго века Цельсе. Слышал о таком?

– Что-то не припомню, – наморщил лоб Олег.

– В своё время он опубликовал свою работу «Правдивое слово», в которой проанализировал многочисленные противоречия в преданиях об Иисусе и в «Евангелиях», и в «Деяниях».

– Ну, мало ли было всяких сочинений людей, не выдавших никогда Иисуса! – попытался парировать доводы Николая Олег.

– Например, апостол Павел, – усмехнулся Николай, – но я продолжу о Цельсе. Он в пух и прах расчехвости миф о непорочном зачатии.

Олег в ужасе трижды перекрестился.

– Так вот, – продолжал Николай, – Цельс собрал устные предания, дошедшие до его современников, на основании которых сделал вывод, что мать Иисуса была гулящей женщиной и забеременела Иисусом от римского солдата по имени Пандира. В Талмуде тоже есть намёки на историю такого происхождения пророка.

– Ну это уж слишком! – ещё раз трижды перекрестился Олег, – перестань кощунствовать!

– Я рассказываю тебе о сочинении Цельса. Это же не я всё придумал. А ещё он писал, – Олег прикрыл уши ладонями, но Николай продолжал, – что подростком Иисус отправился на заработки в Египет и овладел там искусством фокусника. Вернувшись на родину, он фокусами не только зарабатывал себе на жизнь, но и приобрёл завидную популярность, что позволило ему сформировать вокруг себя группу поклонников, уверовавших в его божественную сущность и убедивших в этом и его самого.

– Всё, всё! Хватит! – замахал руками Олег.

– Ладно, но ты же первым начал разговор на эту тему.

Молча, они допили чай, пожелали друг другу «Спокойной ночи» и отправились спать.

Глава 7

Последняя встреча с Олегом и беседа о Туринской плащанице не давали покоя Николаю. Он то и дело мысленно возвращался к теме, с притягательностью которой на протяжении всей сознательной жизни не могло конкурировать ни одно из многочисленных его увлечений. В детстве все летние каникулы Николай проводил у бабушки в небольшом и очень русском городке Нерехте. Каждую неделю они ходили в церковь, причащались и молились. Бабушка часто исповедовалась, и после исповеди её глаза излучали какое-то неземное свечение, морщинок на лице становилось меньше, а задумчивая улыбка не покидала её до самого вечера. Бабушка была глубоко верующей.

Николай любил свою бабушку и верил ей, верил её рассказам о том, как Иисус врачевал больных и воскрешал мёртвых, как призывал всех людей любить друг друга, как злые люди арестовали его и распяли на кресте, но он воскрес и завещал исполнять его заповеди. Много в её рассказах было непонятого. И, если можно было как-то допустить, с учётом божественной сущности и безграничных божественных возможностей, непорочное зачатие и даже воскрешение, то понять, каков механизм искупления грехов человеческих через самопожертвование Иисуса, было выше всех умственных возможностей Николая. Что такое искупление грехов? Как оно происходило, происходит или могло бы происходить? Как связано самопожертвование Иисуса с искуплением чужих грехов как в прошлом, так и в настоящем? Эти вопросы, не находя убедительного ответа, сопровождали Николая всю его сознательную жизнь, независимо от того, насколько глубоко он проникался религиозными чувствами. И даже при его отступлении от Веры они оставались, как нерешённая шахматная задача или недоказанная теорема. И дать ответ на них было уже делом принципа! Николай проштудировал всю доступную христианскую литературу, однако, кроме расплывчатых, не очень конкретных, а потому и не весьма убедительных деклараций, ему найти ничего не удалось. Собственные размышления на эту тему выстроились в некую схему, суть которой сводилась к следующему. Искупление грехов – это избавление от грехов, становление новой морали, основанной на любви к ближнему, на исполнении новых заповедей, нового завета. Это путь к становлению нового, безгреховного человечества, путь непростой, путь долгий, путь, который осветил Иисус. Однако вспомним времена двухтысячелетней давности, времена ожидания Мессии, времена, давшие десятки прорицателей, лжепророков и лжемессий, многие из которых были незаурядными личностями, обладавшими могучими экстрасенсорными силами и способными повести за собой толпы жаждущих чуда божественных проявлений. Каждый из этих лидеров, тем не менее, в отсутствие средств массовых коммуникаций имел ограниченные возможности приобщения к своей идеологии большого количества населения Иудеи. В условиях жёсткой конкуренции оказался и Иисус. Перемещаясь по стране от одного селения к другому, много ли сторонников своих идей мог он собрать за всю свою жизнь? Тысячи? Десятки тысяч? Едва ли больше! За три года своего подвижничества он мог лишь посеять семена нового завета, а для того, чтобы они проросли во всём мире, требовался небывалый доселе акт божественного проявления, который бы отозвался эхом в сердцах каждого. Таким актом могло бы быть чудо Воскрешения. Но оно возможно только после смерти, смерти публичной, смерти сознательно жертвенной. Помочь Иисусу взойти на Голгофу был призван один из первых его учеников, Иуда из Кариота, которому Учитель всецело доверял. С течением времени история жестокой казни Пророка и его божественного Воскрешения завладела умами и сердцами людей не только в Иудее, но и далеко за её пределами. А на базе его заветов усилиями учеников Иисуса родилась и окрепла новая религия, христианство, с новой морально-нравственной основой, отвечающей требованиям времени. Нельзя сказать, что эта схема полностью устраивала Николая. Он чувствовал, что не всё

было так просто, тем более что ситуация с Иудой и его роль в трагическом акте требовали более глубокого осмысления. В соответствии со схемой Николая Иуда тоже был сознательной жертвой, правда, в маске предателя, и тогда он становился полноправным партнёром Иисуса с той лишь разницей, что «над Иисусом светлый нимб, а над Иудой – мрак позора!». Так или иначе, но Николай пришёл именно к такому убеждению, и это его устраивало, особенно, в свете сложившихся отношений с КГБ. Ежемесячно он продолжал писать доносы на Виктора Кузнецова и, хотя и сочинял их вместе с Виктором, ощущал себя «иудой» в традиционном понимании. Новая трактовка роли Иуды ослабляла невидимую петлю, накинутую судьбой на шею Николая, и он даже с почти чистой совестью написал текст для будущей песни с припевом: «Я шёл с Христом до самого креста, чтоб вы, прозрев, увидели Христа!». Предложил этот текст своему постоянному соавтору, композитору Владимиру Преснякову, который не выразил большого энтузиазма, но через пару дней показал музыку, как всегда, интересную, но идущую вразрез с характером лирического героя – Иуды. Чтобы не обижать композитора, Николай вынужден был сочинить другой текст для этой мелодии. Владимир остался доволен, а Николай продолжил поиск вариантов музыкального оформления текста «Позор». Кто-то отказывался писать, ссылаясь на непонимание смысла произведения или на отсутствие его актуальности, а кто-то пытался сочинять, но ничего путного из этого не получалось. Текст лежал в столе уже полгода, а музыки к нему всё ещё не было. Николай успокаивал себя, справедливо считая, что ещё не пришло время этой песни. Но однажды, перелистывая страницы записной книжки, он наткнулся на телефон Георгия. «Да ведь он – музыкант, – вспомнил Николай, – и тоже пишет песни».

На следующий день они встретились у Георгия, в небольшой комнатке, которую он снимал у своих дальних родственников. Диван-кровать, журнальный столик, стул, тумбочка и пианино заполняли объём комнатки так, что ещё для одного стула едва ли можно было найти место. Георгий сел на стул, Николай – на диван.

– Чай будешь? – предложил Георгий.

Николай вежливо отказался, Георгий не настаивал.

– Ну, как ты поживаешь? – начал разговор Николай, – больше не играешь в железку?

– Боже упаси, – замахал руками Георгий, – играю только на фоно!

– Понимаю. На фоно карты сквозь струны не проваливаются! – не очень к месту пошутил Николай.

– Занимаюсь только музыкой, – Георгий кивнул в сторону пианино.

– А поиграй что-нибудь, – попросил Николай.

– Что поиграть-то? – Георгий развернулся в сторону пианино.

– Да, что хочешь...

Георгий сделал паузу, запрокинув голову назад, поднял крышку пианино и пробежался по клавишам, словно проверяя готовность инструмента к эксплуатации, и без остановки перешёл на этюды Шопена. Играл профессионально, с чувством.

– А покажи свои песни, – неожиданно прервал его Николай.

– Ой, это так сложно, показывать песни на фоно. Лучше послушаем их в записи.

Георгий достал из тумбочки кассетный магнитофон, вставил компакт-кассету и включил запись. Песни произвели на Николая в целом неплохое впечатление, особенно, музыка.

– Ну, что ж, песни интересные. Конечно, тексты могли бы быть и поубедительней, но меня в первую очередь интересует твоя музыка, – Николай загадочно и многозначительно глянул в глаза Георгия, – а чьи аранжировки?

– Все аранжировки мои, все фонограммы я записал сам на этой порто-студии, – Георгий показал на фирменный четырёх-канальный магнитофон, – а чем, собственно говоря, тебя заинтересовала моя музыка? Ведь я же не профессиональный композитор, не член Союза композиторов.

– Я хочу показать тебе текст, – Николай протянул листок с текстом, – если он тебе понравится, попробуй написать на него музыку.

Георгий взял лист с текстом и быстро прочитал его, поднял голову и посмотрел на Николая так, как будто видит его первый раз. Затем прочитал текст ещё и ещё раз.

– Интересно, очень интересно, – задумчиво произнёс Георгий и решительно вернул текст Николаю.

– Что, даже не попробуешь? – разочарованно спросил Николай.

– А какие шансы на продвижение этой песни? Ты забыл, в какой стране мы живём! – развёл руками Георгий, – назови мне хотя бы одну советскую песню на религиозную тему!?

– Да, ты прав! Но времена меняются. Сегодня бал правят атеисты, а завтра...

– Сам понимаешь...

– Нет, не понимаю. А что касается текста, то это блестящее произведение!

– Я христианин и по крещению, и по убеждениям, – Георгий перекрестился, – и мне очень близка тема отношений Иисуса с Иудой, но я не представляю себе публичного исполнения такой песни даже в ресторане. Заметут. Так что, извини!

Общение несостоявшихся соавторов продолжалось ещё минут пятнадцать, но носило чисто формальный характер. Прощаясь, Георгий не очень уверенно спросил Николая: «Может быть, на всякий случай, оставишь мне текст песни?»

– Да, конечно, пожалуйста, – Николай пожал ему руку, – если что, звони!

Глава 8

После встречи с Николаем Георгий не смог написать ни одной песни. Какие бы стихи ни были перед его глазами, в памяти всплывал текст «Позора». Отвертеться от него не было никакой возможности. Более того, выяснилось, что припев идеально ложится на старую, почти забытую, невостребованную мелодию, написанную Георгием ещё в десятом классе под впечатлением неразделённой юношеской любви. С запевами было куда сложнее. Из имеющихся мелодических заготовок ни одна не подходила по своему характеру. Уровень драматичности текста требовал простой и доходчивой мелодии, без «наворотов», но с пафосом. Просто отмахнуться от песни, хотя бы в силу её коммерческой бесперспективности, не получалось, тем более что припев был практически готов, и Георгий вынужден был заняться ею вплотную. После многочисленных бесплодных попыток нащупать музыкальную канву методом случайного подбора аккордов и различных мелодических рисунков Георгий обратился к своему испытанному способу, способу вживания в образ, тем более что текст был написан от первого лица, лица Иуды. Георгий знал стихи наизусть и декламировал их про себя, пытаясь смоделировать переживания лирического героя. Постепенно переходя от выразительного речетатива к распеву, Георгий почувствовал, что идёт правильным путём, и, наконец, однажды в метро к нему явилась выстраданная мелодия, которую он тут же оприходовал в своей нотной тетради. Сразу сообщать об этом Николаю Георгий не стал: пусть песня пройдёт проверку временем. Не раз бывало так, что свежее испечённое произведение поначалу приводило в восторг, но по прошествии недели-двух выяснялось, что песня не выдерживает никакой критики: либо похожа на что-то, либо мелодия не очень гармонирует с текстом, либо просто скучна и неинтересна. Прошло около месяца. Георгий так и не возвращался к песне. Вполне сознательно. Но неожиданно позвонил Николай и пригласил на день своего рождения. Георгий понял, что теперь он уже не сможет не показать песню Николаю, и сел за порто-студию. На ритм-боксе набрал подходящий ритмический рисунок, на всех инструментах – гитаре, синтезаторе и басу, сыграл сам. Вокал записал солист его группы, Игорь Жарков. В результате получилась вполне приличная, близкая к студийному звучанию демо-запись.

Года три Николай не отмечал свой день рождения, но в этом году ему исполнилось сорок лет, и скрыть от друзей этот факт не представлялось никакой возможности. В числе приглашённых был и Олег. Он очень удивился, увидев Георгия, но сделал вид, что рад встрече. Николай представил Георгия своим друзьям как талантливого музыканта, композитора, с которым надеется связать свою творческую судьбу.

– Поздравляю всех вас с моим днём рождения! – открыл торжество юбиляр. – Прошу наполнить бокалы! Здесь присутствуют самые близкие мне люди. С каждым из вас я хочу выпить персонально.

Николай налил себе рюмку водки, повернулся к стоящему справа от него гостю и что-то сказал ему. Выпили «на брудершафт». Остальные ждали своей очереди.

– Раньше он каждый год справлял день рождения, – шепнул Олег Георгию, – и стало традицией вот так открывать вечер. С каждым выпьет рюмку водки, не закусывая, с каждым пошепчется и, если не рухнет под стол, сядет и до самого окончания праздника будет молчать. Можно веселиться, как угодно, но трогать его уже нельзя.

Николай обошёл всех своих гостей, сел и дал отмашку музыкантам. Ресторанный ансамбль, руководитель которого хорошо знал Николая, исполнил несколько песен на его стихи. Друзья бурно аплодировали Николаю, провозглашали тосты за его здоровье и желали

ему успешной защиты диссертации и творческих взлётов на песенном поприще. Георгий вручил ему кассету с песней «Позор».

– Послушай завтра, на свежую голову.

– Зачем завтра? Послушаем сегодня! – Николай потряс кассетой над головой и направился к музыкантам.

Песня произвела неожиданное впечатление. По своему характеру она диссонировала праздничному настроению, и с последним её аккордом на некоторое время воцарилась тишина. Гости переглянулись и дружно зааплодировали, все, кроме Олега. Нетвёрдой походкой Николай подошёл к Георгию и обнял его.

– Эту песню написал мой друг, Георгий, – торжественно объявил Николай, смахнул пьяную слезу и добавил, – на мои стихи.

Аплодисменты грянули с новой силой, и кто-то крикнул: «Браво!»

Олег закурил и вышел в фойе.

Глава 9

За несколько дней до Нового года даже у трудоголика все мысли постепенно начинают концентрироваться вокруг предстоящего праздника, самого весёлого и самого любимого в народе. Предпраздничное настроение Николая было испорчено письмом, которое он получил от матери. «Алексей, – писала она, – катался на лыжах и сломал себе позвоночник. Состояние тяжёлое». Николай очень любил и уважал Алексея, своего старшего брата, несмотря на существенные расхождения во взглядах на жизнь, вообще, и на политику, в частности. Письмо выбило Николая из колеи, и он тупо перечитывал его в очередной раз, когда к нему ввалился слегка подвыпивший Олег.

– Старик, привет! С наступающим тебя!

– Привет, привет, – стараясь скрыть своё мрачное настроение, ответил ему Николай.

– Что-то случилось? – спросил Олег, почувствовав истинное состояние друга.

– Да, так... ничего.

– Что, опять контора достаёт?

– Да нет, всё нормально...

– Есть предложение, – после короткой паузы загадочно произнёс Олег, – поехали в общагу МЭИ?! Там девчонки затеяли сегодня сеанс спиритизма. Приглашают. Мне-то не в кайф с духами общаться, я же православный, а ты развлечёшься. Ну как, погнались?

– А-а... погнались!

Всю дорогу Николай молчал. Его воображение рисовало картины одна страшней другой. Перелом позвоночника – это не шутка!!! Олег пытался отвлечь его от мрачных мыслей и без умолку рассказывал какие-то сплетни из жизни известных личностей. Николай пропускал эту трескотню мимо ушей, все его мысли были там, с братом. Наконец, они появились в комнате, где их уже ждали с нетерпением, точнее, ждали Олега, одного.

В середине комнаты стоял стол, накрытый большим листом ватмана. По периметру листа, по внешнему кругу, печатными буквами были красиво начертаны все буквы в алфавитном порядке. В центре – круг размером с блюдечко. В разных сегментах площади листа располагались цифры, от нуля до девяти, а также слова «да» и «нет». Вокруг стола уже сидели плотным кольцом шесть человек, которых Николай видел впервые.

– Ребята, извините, но у нас только одно место, – хозяйка комнаты развела руками и кивнула в сторону свободного стула.

– Это место для моего друга, Николая. Прошу любить и жаловать, а я посижу на койке, – Олег слегка подтолкнул Николая и уселся на кровать.

– Пожалуйста, проходите, – пригласила Николая к столу черноволосая симпатичная девушка, выполняющая, судя по всему, роль ведущей сеанса.

Она держала в руках фарфоровое блюдце, на нижней кромке которого была нарисована стрелка:

– Для тех, кто впервые на сеансе, объясню его технологию. Во-первых, выключим электрическое освещение и зажжём свечи.

Она достала спички, зажгла три свечи и выключила свет. Комната погрузилась в тишину и мерцающий полумрак.

– Да, чуть не забыла, – продолжила распорядительница, – надеюсь, что все избавились от металлических предметов, часов, ручек, очков и так далее!? Теперь я нагреваю это блюдечко над свечкой.

Круговыми движениями над пламенем одной из свечей она перемещала блюдце вверх доньшком и продолжала инструктировать:

– Когда я положу это блюдце вверх дном на центр круга, все должны будут прикоснуться без всяких усилий средним пальчиком одной руки к кромке доньшка. Всем понятно? Без усилий! Одним пальчиком! Еле-еле! Ясно?

– Ясно, ясно...

– Затем я сама вызову дух, ну, например, Марии Стюарт, и задам ей несколько контрольных вопросов. Вы увидите, как дух будет отвечать, и после этого каждый сможет задавать свои вопросы. Всем всё ясно?

– Ясно, ясно...

Ведущая выложила нагретое блюдце на стол. Все вытянули руки и возложили на кромку доньшка кончики средних пальцев. Воцарилась абсолютная тишина. Таинственным голосом ведущая произнесла:

– Дух Марии Стюарт, явись!

Николай почувствовал, как слегка задрожали пальцы вытянутой руки. Блюдце осталось неподвижным.

– Дух Марии Стюарт, явись! – ещё несколько раз повторила распорядительница.

И, наконец, блюдце сдвинулось с места и, набирая скорость, начало скользить по внешнему кругу. Это было поразительно! Николай едва успевал за блюдцем, удерживая кончик пальца на его доньшке.

– Кто ты? – громко спросила ведущая, обращаясь к невидимому духу.

Блюдце замедлило вращение и остановилось. Стрелка на кромке блюда показывала на букву «М». Через мгновение блюдце возобновило своё вращение и притормозило стрелкой против буквы «А». Довольно шустро блюдце обежало все остальные буквы имени вызываемого духа.

– В каком городе мы живём? – задала второй контрольный вопрос ведущая.

Блюдце набрало небольшую скорость и последовательно обежало все буквы слова «Москва». Удивлению Николая, впрочем, как и других участников сеанса, не было предела, а распорядительница продолжала экзаменовать духа:

– Какой сейчас год?

Четыре цифры, возле которых последовательно останавливалось блюдце, дали правильный ответ. Поражённый всем происходящим, Николай, не дожидаясь разрешения ведущей, нетерпеливо воскликнул:

– Что с моим братом?

– Умер, – довольно быстро ответила Мария Стюарт.

В глазах Николая потемнело. Не давая никому возможности задавать вопросы он дрожащим голосом спросил:

– При каких обстоятельствах?

– Катался на лыжах, – не замедлил с ответом дух Марии Стюарт.

– Где?

– Под Огре.

В мозгу Николая мелькнуло: «При чём тут Огре? Это же Латвия, а брат живёт в Литве!»

– Когда похороны?

– Завтра.

– Что мне делать?

– Лететь.

– Куда?

– В Вильнюс.

«Ага, значит, его уже перевезли домой. Ну, да там недалеко», – подумал Николай. Было около шести часов вечера. Последний самолёт – в полночь. «Успеваю», – прикинул Николай и продолжил общение с духом.

– Где мама?

– В Вильнюсе, – ответил дух.

«Ну да, – подумал Николай, – где же ей ещё быть? Естественно, приехала на похороны».

– Что с ней?

– Плохо, – ответил дух.

«Это понятно, – подумал Николай, – переживает».

– Где отец?

– В Смоленске, – немного запутавшись в буквах, ответил дух. Родители Николая действительно жили в Смоленске. – Что с ним?

– Умер, – довольно быстро ответил дух.

– Почему? – с трудом сдерживая себя, спросил Николай.

– Ты и брат, – ответил дух Марии Стюарт.

Николай резко встал из-за стола, бросился к Олегу, схватил его за руку и потащил за собой:

– Быстрее, быстрее! Побежали быстрее, звонить!

Оторопевшие и не проронившие ни звука участники спиритического сеанса проводили их взглядами и долго ещё не могли придти в себя.

От общежития до почтового отделения было не более трёхсот метров, и друзьям хватило несколько минут, чтобы оказаться на почте, практически, не запыхавшись.

– Девушка, пожалуйста, срочно соедините с Вильнюсом! – Николай дрожащей рукой протянул в окно заказов бумажку с номером телефона.

Минуты ожидания казались Николаю вечностью. Сердце колотилось в бешеном ритме, словно пыталось вырваться наружу, чтобы телепортироваться туда, где брат, где отец, где мама...

– Вильнюс – первая кабина, – наконец-то прохрипел динамик.

Николай бросился к переговорной, рванул на себя дверь и схватил трубку прежде, чем оказался в кабине. В трубке уже звучал такой знакомый и родной мамин голос: «Алё, алё...» *«Мама в Вильнюсе, а не в Смоленске! Значит, Мария Стюарт не врала», – подумал Николай.*

– Алё! Алё! Мама! Алексей жив? – закричал в трубку Николай.

– Коленька, это ты?

– Да, мамочка, я. Алексей жив?

– Лёша в больнице! У него сломан позвоночник, но врачи...

– Мам, а папа жив? – нетерпеливо перебил её Николай.

– Папа? Папа жив. Да что с тобой, Коленька? Папа только что звонил из Смоленска...

У Николая отлегло от сердца, и он медленно сполз по стенке кабины на мягкий табурет. Сил не было. Он молчал...

– Алё! Коленька! – звала его в трубке мама, но тщетно. Николай потерял дар речи. По его щекам стекали слёзы... Телефонная трубка упала на колени, и руки не слушались, чтобы поднести её к уху...

– Первая кабина, ваше время заканчивается! – в трубке зазвучал зуммер, и Николай с трудом положил её на аппарат и вышел из кабины.

– Ну, что? – бросился к нему Олег.

– Всё нормально, – еле слышно произнёс Николай, – все живы!

– Слава Богу! – перекрестился Олег.

– Слава Богу! – прошептал Николай.

Глава 10

Работа над диссертацией приближалась к завершению. Эксперименты были закончены, текст пояснительной записки готов, автореферат написан, графическое оформление выполнено. Шеф, Семён Осипович, ждал ближайшего заседания Учёного Совета. По предварительной договорённости с Учёным секретарём защита диссертации ожидалась на конец текущего года. Впереди были лето и осень. Николай распланировал это время, включив в него возможную поездку в ГДР по приглашению своего друга, Херберта Клессена, с которым он учился в одной группе. В институте их отношения были поверхностными и ограничивались участием в факультетской сборной по футболу. После окончания института Херберт уехал на родину и быстро, за два года, поднялся по служебной лестнице до помощника министра, а ещё через два года был командирован на четыре года в Москву каким-то представителем ГДР в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ). В первый же день пребывания в Москве совершенно случайно он встретился на улице Горького с Николаем. Восторгу обоих не было предела, и они обнялись, как старинные друзья. На радостях отправились в кафе «Националь» и просидели там до самого закрытия. Осушили две бутылки водки под хорошую закуску, вспомнили студенческие годы и потом до утра гуляли по Москве.

– А ты знаешь, как тебя звали в институте? – разоткровенничался Николай.

– Как?

– Серый волк! Потом просто Серый.

– Как это? Почему? – удивился Херберт.

– Когда ты появился в группе на первом курсе, все обратили внимание на твой взгляд, взгляд исподлобья. Как у волка. Очень похоже! А Лялька Безноско первой назвала тебя Серым волком, и всем понравилась эта кликуха.

– Ну, я ей!..

– Всё, всё – поезд ушёл. Теперь тебя за глаза только Серым и называют.

– А ты знаешь, что Гюнтер всё-таки женился на Людке Смирновой, – поменял тему разговора Херберт.

– Что за Людка?

– Ты что, не помнишь? Она училась на «атомных станциях» и бегала за нашим Гюнтером... А он – от неё.

– Что-то не припомню, – наморщил лоб Николай.

– Ну как же? Про неё ещё рассказывали, как она квантовую механику сдавала Тимроту.

– И как?

– Ну, ты помнишь, как Тимрот приходил на экзамен и объявлял: «Товарищи студенты! Деканат категорически не разрешает списывать на экзаменах!» Потом он сел за стол и закрывался газетой. Списывали все! Кроме, правда, вьетнамцев, которым «Хошимин не разрешил».

– Помню, помню, – улыбнулся Николай.

– Так вот, как обычно, Тимрот проверил, правильно ли она списала всё, что нужно, и задал первый вопрос. Ответ на него обычно гарантировал пятёрку. Она не ответила. Не ответила и на второй вопрос, и на третий и готова была уже разрыдаться. Тогда Тимрот задал ей провокационный вопрос: «Представьте себе айсберг, который плывёт по океану. Одна десятая часть айсберга над водой, а девять десятых – под водой. Что будет с айсбергом, если его надводную часть срезать?»

– И что? – Николай слышал эту историю впервые.

– «Айсберг утонет!» – не долго думая, ответила Людка. Тимрот рассердился и поставил ей тройку.

– Да, – Николай искренне рассмеялся, – Тимрот редко ставил тройки, а двоек не ставил вообще. Помнишь историю с Юркой Бисько?

– Нет, расскажи.

– Ну, как же? Он отвечал Уманскому Помнишь его? Он у нас семинары вёл по статфизике.

– Уманского помню, – утвердительно кивнул головой Херберт.

– Так вот, Бисько всё списал, но ответить не смог ни на один вопрос. Тогда Уманский подошёл к Тимроту и сказал: «Товарищ лектор, студент ничего не знает!» «Как? Совсем ничего?» – удивился Тимрот. «Совсем!!!» – ответил Уманский. «Ну, тогда придётся поставить ему тройку!!!» – рассердился Тимрот.

– Да, редкой души человек был, – и Херберт расхохотался.

– А у меня приятель в Стали и сплавов учился, – продолжил Николай, – так у них по сопромату профессор был – чудак! Жил недалеко от института и на работу на коне ездил...

– Да ладно тебе! – не поверил Херберт.

– Ну, чего – «ладно!» Дело-то в пятидесятых ещё было. Так он студенткам на экзаменах выше тройки никогда не ставил. «Бабы – дуры!» – говорил он.

– Есть такие гады! – покачал головой Херберт.

– А однажды, – продолжал Николай, – ему попалась студентка, которая отвечала ему на все вопросы и щёлкала все его задачи. Измучился он с ней, проголодался и решил отойти на полчаса в буфет. Оставил ей три сложнейших задачи и ушёл. Студентка быстро решила все задачи и сидит – ждёт. Подходит к ней другой экзаменатор, ассистент: «Ну что там у вас?» Она показала ему экзаменационный лист со всеми вопросами и задачами. Он проверил: «Всё правильно!» Задал ещё пару контрольных вопросов. Она ответила. И он поставил ей пятёрку. Только она ушла, возвращается лектор, первый её экзаменатор: «Где студентка?» Второй спокойненько отвечает: «Я проверил её задание, проэкзаменовал и отпустил её». «И какую оценку вы ей поставили?» – грозно спросил лектор. «Пятёрку! Она блестяще знает предмет!» – ответил ассистент. «Как это пятёрку?! – рассердился профессор, – женщина не может знать сопромат на пятёрку! Садитесь, я проверю ваши знания!» – и стал экзаменовать ассистента. На глазах у студентов профессор давал ему задачи, одну за другой, и это продолжалось до тех пор, пока на одной из них ассистент не споткнулся. «Ну вот, видите! – возторжествовал профессор, – вы сами знаете материал только на слабенькую четвёрку! Значит, пятёрка вашей студентки недействительна!!!»

– Да, забавно... А помнишь, на кафедре теормеха у нас семинары вёл Дувакин?

– Конечно, помню, – ответил Николай, – одноглазый, с повязкой, как у Кутузова, стихи нам свои на семинарах читал: «... И повели его бедного, и худого и бледного, на канате в деканат, чтоб в деканате доканать!»

– Да-да-да! А у него друг был, мы его уже не застали, без ноги. Мне это дома рассказывал Хайнц, который у него учился ещё до нас. Ну вот, однажды они вместе принимали экзамены. Утомились, проголодались, и Дувакин говорит своему безногому другу: «Сбегай в буфет, купи чего-нибудь, а я тут подежурю». «Ну, хорошо, только ты будь внимателен, не давай списывать. Смотри в оба!». «Хорошо-хорошо! Только ты давай побыстрее: одна нога там, другая – тут!»

– Вспомнил! Мне эту историю тоже рассказывали, но, вроде бы, они этот спектакль каждый год разыгрывали.

– Возможно. Очень уж на анекдот смахивает, – Херберт посмотрел на часы, – восьмой час. Не пора ли собираться на работу?

Они обменялись координатами и договорились встретиться в субботу в Сандуновских банях. С тех пор их встречи стали регулярными. Каждую неделю они посещали Сандуны, встречали вместе все большие праздники. Николай познакомил Херберта со своим братом и

со своими родителями. Последнему обстоятельству он был особенно рад, так как с раннего детства остался сиротой, а воспитывала его родная, однако, не очень ласковая, тётка. Близкие Николая привязались к сентиментальному немцу и с удовольствием принимали его в гости. После окончания четырёхлетней командировки Херберт возвратился на родину, и их общение свелось к редким телефонным звонкам, как правило, по инициативе Херберта.

Выехать за рубеж, даже в братскую Восточную Германию, было делом не простым! Особенно – не членам партии. Характеристики, утверждение на парткоме, в райкоме...

Николай, естественно, знал об этом и готовился к парткому очень тщательно, как к самому ответственному экзамену. За свою жизнь он сдал их около сотни: в школе, в техникуме, в институте, в аспирантуре. Оценки хуже пятёрки Николай получал только в институте по «Научному коммунизму» (двойка с последующей пересдачей) и по «Истории КПСС» (тройка) и в школе – по «Химии» (четвёрка). По совету бывалых он проштудировал Советскую энциклопедию в разделах: ГДР, соцлагерь, Варшавский договор, НАТО, СЭВ, СЕПГ, Вторая мировая война, Сикстинская мадонна, Лейпциг, Берлин. Характеристика, полученная в отделе, внушала оптимизм, и Николай явился на заседание парткома, будучи абсолютно уверенным в своём успехе.

Секретарь парткома, секретарь комитета комсомола, председатель профкома, начальник отдела кадров, заместитель директора по общим вопросам и два незнакомых Николаю активиста восседали за длинным столом с непроницаемыми лицами. Перед каждым из них лежал блокнот, и время от времени они что-то писали. Николай, не отходя от двери, переминался с ноги на ногу.

– Представьтесь, пожалуйста, – начала секретарь парткома, Надежда Николаевна Кондратьева.

– Рябов Николай Петрович, аспирант физико-технического отдела, – представился Николай и мысленно продолжил: «...*Не судим, не имел, не привлекался, не уклонялся, родственников за рубежом не имею*...» – женат, имею дочь десяти лет от роду...

– Вы хотите поехать в ГДР. А что вы знаете об этой стране? Когда она была образована? – деловито задал вопрос секретарь комитета комсомола.

– Германская Демократическая Республика – социалистическое государство, основанное 7 октября 1949 года в советской оккупационной зоне Германии и восточном (советском) секторе Берлина, – бодро отчеканил Николай.

– А как зовут Президента ГДР? – задала коварный вопрос Надежда Николаевна?

– С 1949 по 1960 год Президентом дружественной нам Восточной Германии был Вильгельм Пик, – не моргнув глазом, ответил Николай.

– А как зовут нынешнего Президента? – продолжила Надежда Николаевна.

– В настоящее время ГДР возглавляет Председатель Госсовета Эрих Хонекер, – быстро ответил Николай.

Лёгкое движение нижней губы Надежды Николаевны выдало её удивление правильным ответом Николая на такой тонкий вопрос.

– Какова площадь ГДР и численность населения? – хитро глянул на Николая председатель профкома, прыщавый Сергей Митрофанов.

С цифрами у Николая всегда был полный порядок:

– Площадь ГДР – 108,3 тысяч квадратных километров, а численность населения – около 16,5 миллионов человек, – ответил Николай, глядя с улыбкой на задавшего этот вопрос, а сам подумал: «*Получи, фашист, гранату!*»

– Когда была возведена Берлинская стена? – не унимался Митрофанов.

– Берлинская стена была возведена 13 августа 1961 года.

– Что вы знаете о Варшавском договоре? – проявился один из активистов.

– Варшавский договор – это Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи от 14 мая 1955 года. Этот Договор оформил создание военного союза европейских социалистических государств при ведущей роли Советского Союза. Заключение договора явилось ответной мерой на присоединение ФРГ к НАТО.

– Какие страны входят в Варшавский договор? – продолжил тему активист.

– Страны социалистического лагеря: Албания, Болгария, Венгрия, ГДР... – с небольшой паузой, как по писаному продекламировал Николай, – Польша, Румыния и Чехословакия.

– И всё? – ядовито спросил активист.

– И Советский Союз, – ответил Николай и вспомнил анекдот про социалистический лагерь: *«Лагерь-то у нас один, да бараки разные. Гэдээровский повеселее будет!»*

– Перечислите все партии ГДР, – простодушно спросил Василий Васильевич.

– СЕПГ, ХДС, ЛДПГ, НДПГ и ДКПГ, – не задумываясь, протараторил Николай и подумал: *«Ну, кажется, дело идёт к финишу...»*

– Зачем вы собираетесь в ГДР? – резко изменила тематику вопросов Надежда Николаевна.

Такого вопроса Николай не ожидал. Он быстро перебрал в уме различные возможные ответы и остановился на безобидном:

– Хочу попрактиковаться в немецком языке.

– Кто приглашает вас? – продолжая что-то писать в своём блокноте, задала очередной вопрос Надежда Николаевна.

«Когда же они уgomонятся наконец», – подумал Николай и ответил:

– Херберт Клессен.

– Где вы с ним познакомились?

«Ну, началось», – не без лёгкого раздражения подумал Николай, – *где, где? В Караганде!»*

– Я учился с ним в одной группе.

– И что? – спокойно продолжала Надежда Николаевна. *«Что? Что? Вистов – сто!»* – еле сдерживая себя, подумал Николай, но взял себя в руки и ровным голосом ответил:

– И играл с ним в сборной факультета по футболу.

– И что?

«А уж сколько девчонок мы перетрахаили вместе...» – мечтательно подумал Николай, но быстро опомнился и сказал:

– Он – член СЕПГ и много рассказывал мне о своей стране и трудовых успехах народа ГДР.

А в памяти всплывали забавные эпизоды, связанные с теми временами.

Вспомнилась вечеринка, которую устроил Херберт по случаю приезда его двоюродной или троюродной сестры с подружкой. Первую звали Мартой, вторую Эльзой. Вечеринка, как вечеринка, ничего особенного: выпили, поболтали, вспомнили несколько не очень сальных анекдотов, потанцевали, сначала при свете настольной лампы, потом при свете уличного фонаря, пробивающегося через щели зашторенных окон...

– И что? – не унималась Надежда Николаевна.

– Прошу уточнить вопрос, – вежливо попросил Николай.

...потом разошлись по разным комнатам: Херберт – с Эльзой, Николай – с его сестрой, Мартой...

Надежда Николаевна оторвалась от своего блокнота, вопросительно глянула на Николая и раздражённо спросила:

– Я жду от вас, – она немного замялась, – в общем, какие отношения связывают вас с ним?

– Мы – друзья!

...А под утро Николай и Херберт встретились возле туалета. Херберт уступил очередь Николаю. Выходя из туалета, Николай спросил: «Ну, ты как?» – но Херберт успел ответить только: «А ты?» – и скрылся за дверью туалета...

– А почему вы выбрали себе в друзья немца? Разве среди советских людей нет достойных быть вашим другом? – востроенулся второй активист.

Нелепость этого вопроса чуть было не повергла Николая в эмоциональный нокаут, но он собрал всю свою волю в кулак и на лёгкой улыбке ответил:

– Есть у меня друзья и среди советских людей, а вообще, я не выбираю друзей, за меня эту ответственную обязанность выполняет сама жизнь...

...Николай подождал Херберта и поделился с ним своими впечатлениями о проведённой ночи: «Ты знаешь, я – в такой нирване!!!» – и хотел добавить ещё что-то, но полусонный приятель опередил его: «А я-в такой рвани!!!» – и побрёл досыпать.

– То есть вы плывёте по течению и подчиняетесь воле случая? – не унимался активист.

– Течение я при всяком удобном случае использую для достижения поставленных целей. Но, если вектор моих устремлений не совпадает с направлением течения, как всякий нормальный человек, я вынужден его преодолевать.

Николай и сам не совсем понял, что сказал, но членов комиссии, кажется, эта фраза покорила, и после некоторой паузы Надежда Николаевна произнесла:

– Спасибо! Вы свободны.

Николай быстро повернулся, вышел, захлопнул за собой дверь и полушёпотом прошипел в сердцах: «Уф-ф! Фашисты! Хуже фашистов!» В приёмной сидел Миша Серых. Его должны были принимать в члены КПСС, и он ожидал своей очереди. Конечно же, он слышал эмоциональное откровение Николая...

Через два дня Николая пригласил в свой кабинет Семён Осипович. Его вид не предвещал ничего хорошего.

– У меня для вас не очень приятные новости, – сказал он, не поднимая головы и продолжая что-то писать.

– Что, отказано в выдаче Свидетельства на последнее наше изобретение?

Семён Осипович с трудом поднял голову и после небольшой паузы с огорчением в голосе произнёс:

– Во-первых, по непонятной для меня причине Учёный Совет отложил рассмотрение вашей диссертации на неопределённый срок, предположительно на год. Во-вторых, Василий Васильевич сообщил мне, что вашу кандидатуру не утвердили для поездки в ГДР по приглашению.

После некоторой паузы Семён Осипович продолжил почти шёпотом:

– Я часто вижу вас в обществе Михаила Серых. Мой вам совет: «Постарайтесь поменьше откровенничать с ним и, пожалуйста, избегайте разговоров и анекдотов на политические темы».

Глава 11

Конец июля, начало августа – пожалуй, самая жаркая пора для средних широт и самое удобное время для пляжного отдыха. Поездка в Германию не состоялась, и Николай отправился с женой и дочерью в Пярну. Это было их любимое место отдыха, наряду с Пицундой, в которой они были в прошлом году. Конечно, Чёрное море имело неоспоримые преимущества перед Балтийским, зато публика в Пярну выгодно отличалась своей интеллигентностью. На Чёрное море ехали все, кому не лень, со всей необъятной родины, а в Пярну приезжали, в основном, москвичи и ленинградцы. Николай любил этот тихий эстонский городок с уютными забегаловками, замечательным пивом и чистым песчаным пляжем с шахматными столами. Из всех привлекательных обстоятельств это было главным. Большую часть времени Николай проводил за игрой в шахматы. Сотни любителей этой мудрой игры ежегодно съезжались в Пярну, чтобы две-три недельки провести под ласковым солнцем пярнусского микроклимата в обществе себе подобных. Не зная, как правило, имён друг друга, они встречались за шахматной доской как старые друзья. Играли и «на вылет», и в импровизированных турнирах, редко «на пиво», чаще просто так, из любви к шахматному искусству. Среди отдыхающих были и сильные игроки, мастера и кандидаты в мастера. Правда, они держались обособленно, и сразиться с ними простым любителям удавалось крайне редко. Николай играл в силу твёрдого первого разряда, и его принимали за потерявшего форму мастера. В отличие от черноморских пляжей как Крыма, так и Кавказа, в Пярну очень редко играли в карты. Это импонировало Николаю и вот почему: соперничество за шахматной доской носит идеально честный характер, тогда как игра в карты допускает привнесение в борьбу элементов мошенничества и всегда пропитана духом наживы. Эта разница в играх определяет различия между шахматистами и карточными игроками. Глаза последних – острые, всегда в поисках потенциального клиента. В общении они, как правило, неискренние люди, но в живости ума и хитрости им отказать трудно. Шахматисты – умные, обстоятельные люди. От них не жди подлянки, не жди удара из-за угла. Это интересные собеседники с широким кругозором и глубоким проникновением в тему. В Николае странным образом уживались оба типа, но доминировал шахматист. Он быстро сходился с людьми, и, если новый знакомый был интересен, Николай раскрывался для него во всей гамме своих интересов и возможностей. В одном из импровизированных пляжных турниров, в ожидании своей партии, Николай разговорился с Рустэмом Хабибуллиным, приехавшим из Уфы. Оба оказались приверженцами редких дебютных схем за чёрных, таких, как защита Алехина, Будапештский гамбит и контргамбит Альбина. Правда, никому из них эти дебюты не принесли большого успеха в турнире. Николай занял четвёртое место, Рустэм – седьмое, но оба были довольны, т. к. в активе каждого было по одной победе над мастером.

– Предлагаю отметить окончание турнира кружкой пива? – предложил Николай.

– «Они спрашивают тебя о вине и майсире, – нарочито театралью, но вполне серьёзно отреагировал Рустэм, – отвечай: «И в том, и в другом есть великий грех, есть и некая польза, но греха больше, чем пользы!»

– Ну, ты даёшь! – вытаращил глаза Николай.

– Я же – мусульманин, а на спиртное в любом качестве у нас – табу!

– А что такое это, как его? Майсуррр...

– Майсир – азартные игры, по сути – это способ отбирания денег у людей посредством мошенничества, ловкости рук и т. п. Независимо от вида игры. Это и карты, и напёрсток, и игровые автоматы. Майсир приучает к мысли о добывании денег без усилий и разлагает нравственность. В итоге – разрушение семей, самоубийства. Я процитировал аят, в котором Всевышний Аллах запрещает и вино, и азартные игры.

– Замечательно! – искренне восхитился Николай.

Они попрощались, как старые друзья. Николай отправился к жене и дочери. Обе уже ждали Николая.

– Где сегодня ужинаем? – поинтересовался он.

– Давайте сегодня покушаем дома, – предложила Ольга, жена Николая, – я приготовлю курочку.

– Если Анюта не возражает, – Николай глянул на дочь, – я тоже не против.

Николай с семейством снимал в Пярну двухкомнатную квартиру на втором этаже нового дома в ста метрах от залива. По вечерам он открывал балконную дверь, усаживался в кресло-качалку и либо читал, либо что-то сочинял, в зависимости от настроения. В ожидании ужина он перебрал в памяти события прошедшего дня и задремал.

– Папа, папа! Иди сюда! Скорей! Скорей! – сквозь сон услышал Николай.

Это Анюта, стоя на балконе, отчаянно звала его и размахивала руками. Спросонья Николай испуганно вскочил с кресла и бросился на балкон.

– Пап, смотри! Там в небе! Что это?!

– Фу! Что ж ты так меня пугаешь? – Николай обнял дочь, – где, что?

А внизу, вдоль береговой линии, уже собралась толпа отдыхающих. Кто-то поднимал руки и что-то выкрикивал. Толпа зевак росла на глазах.

– Да вон же, там, вверху – огни! Видишь? – Анюта показала туда, куда были устремлены взоры всех собравшихся на берегу.

– Вижу, вижу! – откликнулся Николай.

– Что там? – прибежала на балкон и Ольга.

Над морем высоко в небе зависли два ярко светящихся объекта ромбической формы, составленные из двенадцати разноцветных прожекторов, излучающих странный свет, похожий на мощное монохроматическое излучение. Через мгновение лучи исчезли, но остались источники их излучения в виде ярких цветowych пятен. Оставаясь почти неподвижными, оба ромба очень медленно поворачивались вокруг своей оси, плавно изменяя свою форму. Через несколько минут оба объекта синхронно переместились ближе к берегу, спустились ниже и неподвижно зависли над заливом. Минут через десять они медленно начали удаляться, меняя свою форму и цвет. Зависли. Сделали несколько рывков по криволинейной траектории. Зависли. И вдруг, резко набирая скорость, синхронно устремились за горизонт и исчезли из вида. Толпа на мгновение замерла и потом загудела. Люди долго ещё не расходились, обсуждая только что увиденное. Николай, Ольга и их дочь оставались на балконе, пока внизу не разошлась вся толпа.

– Ой, у меня там – курица! – вскрикнула Ольга и побежала на кухню, но было уже поздно.

Курица обуглилась. Ужинать пришлось в ресторане.

На следующий день все разговоры были только о неопознанных объектах. Кто-то заявил, что его дядя служит полковником в авиационной части, и тот ответственно объяснил, что вчера мы все видели испытания новых зондов специального назначения. В местной газете вкратце описали вчерашнее явление и сообщили, что это было испытание новейших метеозондов.

– Как ты думаешь, что это было вчера? – спросил Николай Рустэма.

– Я ничего не видел. Мне только соседка утром рассказала. А ты сам-то видел?

– Да, мы всей семьёй наблюдали нечто удивительное, – задумчиво начал Николай, взял паузу и хотел было продолжить, но Рустэм опередил его:

– У тебя, как очевидца, есть свои соображения по этому поводу?

– Самое простое – списать всё увиденное на оптический обман или на явление иноземной цивилизации. Однако, первое очень маловероятно! Что касается второй версии, которая выглядит наиболее вероятной, удивляет отсутствие звукового сопровождения при работе иноземной техники. Полнейшая тишина, как при немыслимых манёврах, так и в их отсутствии! словно мы смотрим научно-фантастическое кино с отключённым звуком! Каким бы совершенным ни был летательный аппарат, это же всё-таки механизм! А любой механизм, тем более механизм, перемещающийся в воздушном пространстве, связан со взаимодействием между его различными частями, а также с воздухом! Это взаимодействие немыслимо без звукового сопровождения! Даже лёгкий ветерок мы ощущаем на слух. Чем сильнее ветер, тем он ощутимей!!!

– Как человек, имеющий непосредственное отношение к авиации, не могу не согласиться с этим утверждением! – Рустэма явно заинтересовали рассуждения Николая.

– Без звука мы имеем что-то типа световой проекции... – продолжал размышления Николай, – только изображение, без звука, проекция...

– Что за проекция? – Рустэм вопросительно посмотрел на Николая.

– А вот что! – Николай хлопнул себя по лбу, словно его осенило. – Что такое одномерное пространство? Это линия. Так?

– Так, – подтвердил Рустэм.

– Что является объектом одномерного пространства? – Николай с улыбкой глянул на Рустэма.

– Точка, – не задумываясь, ответил Рустэм.

– Правильно. И отрезок, – добавил Николай.

– Верно.

– А что такое двумерное пространство? – Николай обвёл взглядом присоединившихся к разговору.

– Поверхность, – среагировал кто-то из присутствующих, – например, плоскость.

– Верно. А что является объектом двумерного пространства?

– Точка, отрезок, часть плоскости, например, круг, – перечислил Рустэм.

– Правильно! В связи с этим вопрос: «А как взаимодействует объект двумерного пространства с пространством одномерным? Например, круг с прямой?» – Николай слегка улыбнулся и сам же ответил, – предположим для простоты, что прямая находится в одной плоскости с кругом. Начнём приближать круг к прямой. Как только круг коснётся прямой, у них появится общая точка. Продолжим движение круга. Мы заметим, что круг, как объект двумерного пространства, отразится на прямой, являющейся пространством одномерным, в виде отрезка, то есть в виде объекта одномерного пространства. Согласны со мной?

– Согласны, конечно!

– Перейдём к пространству трёхмерному. Мы в нём живём. Возьмём, например, шар, как объект трёхмерного пространства. Как шар будет отражаться, или проектироваться, на плоскость, то есть на двумерное пространство? Кто скажет?

– Сначала точка, потом круг, – не задумываясь, ответил молодой парень, по виду старшеклассник.

– Правильно! А на одномерное пространство? На прямую?

– Сначала точка, потом отрезок прямой, – выпалил тот же парень.

– Правильно! И какой из этого вывод мы можем сделать? – Николай выдержал паузу. Все молчали.

– Вывод однозначный: при взаимодействии двух разномерных пространств объекты пространства более высокого порядка отражаются в пространстве с меньшим количеством измерений как объекты отражающего пространства. Естественно, объекты пространства низшего порядка измерений проектируются на пространство более высокого порядка без

деформаций, по определению. Таким образом, если предположить, что, кроме привычного для нас трёхмерного геометрического пространства, существуют пространства с большим числом измерений, и вчера мы наблюдали проявление одного из них, можно сделать вывод о том, что мы наблюдали отражение в нашем пространстве...

– Объектов пространства более высокого порядка, например, четырёхмерного, – продолжил Рустэм.

– Правильно! В соответствии с нашими выводами эти проекции имеют вид объектов нашего пространства, но далеки от вида реальных четырёхмерных объектов, и по ним мы не можем судить ни об их реальной геометрии, ни об их реальных свойствах. Следовательно, они могут оставаться за пределами наших ощущений и даже предположений. Возможно, в этом кроется объяснение многих странностей в поведении и проявлении объектов, в том числе и отсутствие звукового сопровождения.

– Интересно, но ведь эти механизмы – это плоды труда каких-нибудь существ. И они тоже многомерные. Но тогда в нашем пространстве они будут отображаться в виде существ, более или менее похожих на земные существа, и обладать свойствами, которые даже недоступны нашему воображению! – начал развивать идею Николая Рустэм, – возможно, теми свойствами, которые человек приписывает своим божествам.

– Мне нечего возразить тебе, дорогой Рустэм, – одобрил его размышления Николай, – тем более, что всё то, что связано с понятиями о божественном, начинается там, где кончаются представления о нём.

– И мне нечего тебе добавить, – развёл руками Рустэм, – т. к. рассуждения на этом уровне предполагают внедрение в область веры, но для атеиста это абсолютно неинтересно, а для верующего запретно и ограничено устоявшимися догматами.

На этом обсуждение вчерашнего происшествия забуксовало, и его участники стали понемногу расходиться. Николай с Рустэмом отправились к шахматным столикам. Там уже набирали участников турнира по быстрым шахматам с призовым фондом в ящик пива.

Прошло уже около недели после явления неопознанного объекта. Разговоры об этом утихли как-то сами собой, но размышления на тему о природе неопознанного явления всё ещё занимали Николая. «...Каких-нибудь существ. И они тоже многомерные. Но тогда в нашем пространстве они будут отображаться в виде существ, более или менее похожих на земные существа, и обладать свойствами, которые даже недоступны нашему воображению! Возможно, теми свойствами, которые человек приписывает своим божествам», – эта мысль Рустэма не давала покоя Николаю. Он попытался продолжить её: «А может быть, весь окружающий нас мир как живой, так и неживой, является проекцией на трёхмерное пространство соответствующих объектов пространств более высокого порядка? Если это так, то трудно отмахнуться от идеи божественного сотворения человека и всего нашего мира и воздействия на него божественной сущности с учётом полной доступности нашего пространства для объектов пространств более высокого порядка и недоступности для нас пространства более высокого порядка. Более того, эти допущения позволяют представить себе параллельное сосуществование и взаимодействие бесконечного количества разномерных геометрических пространств. А с учётом возможного наличия координат негеометрического происхождения, например, пси-координат, а также координаты времени, число возможных комбинаций возрастает, и характер взаимодействия пространств становится непредсказуемым». Интуитивно Николай понимал, что его модель мироздания позволяет принять даже чудесное Непорочное Зачатие и Чудо Воскрешения и Вознесения. В первом случае речь могла бы идти о явлении сущности из более высокого пространства и зачатия по технологии, не известной в те времена. Сейчас это имело бы название искусственного оплодотворения. Воскрешение и Вознесение – это возвращение Христа в пространство более высокого порядка. Но

оформить объяснение этих чудес в стройную логическую схему у него никак не получалось. Своими размышлениями Николаю захотелось поделиться с Рустэмом в надежде на получение с его помощью ответов на множество появившихся вопросов. Они встретились, как всегда, на пляже, за шахматным столиком. В ожидании очереди на игру Николай изложил свои соображения по поводу параллельного сосуществования разномерных пространств. Рустэм внимательно выслушал Николая, минут десять молчал, словно переваривая услышанное, и произнёс, медленно подбирая слова:

– Твоя гипотеза интересна... для того, чтобы почесать язык. Что дальше и зачем? У верующих людей уже есть давно сложившаяся картина мира...

– Но у каждой религии она своя, – попробовал нащупать контраргумент Николай.

– Да! Своя. И какой смысл разрушать её? – парировал Рустэм, явно не желая продолжать дискуссию на эту тему.

– Смысл? Дело в том, что все религии по-разному рисуют мироздание, но истина-то одна! Так вот: смысл – в поисках этой истины!

– Мой юный друг, – снисходительно начал Рустэм, – во-первых, Истина – многогранна, и религии высвечивают разные грани, каждая религия – свою. Вот и ты рисуешь одну из этих граней. Во-вторых, каждая религия дарует Надежду человеку. Опять же: каждая по-своему, но дарует Надежду! И в этом животворящая роль религии. А какую Надежду можешь предложить ты со своими домыслами?

Подошедшая очередь за шахматным столиком избавила Николая от ответа на убийственный в своей простоте вопрос Рустэма.

– Мы продолжим наш разговор... попозже, – пообещал Николай, спешно расставляя шахматные фигуры.

Однако продолжения разговора так и не последовало, потому что на следующий день утром Рустэм попрощался с Николаем и уехал. Погода в Пярну стала портиться, и через день Николай с семьёй вынужден был вернуться в Москву.

Глава 12

Ещё в далёкие шестидесятые годы в Москве поселился американец, Уильям Мартин, один из двух расшифровщиков кодов ЦРУ перешедших на сторону СССР из идейных соображений. Газетная шумиха вокруг этого уникального события была нешуточной. Перебежчики из США были щедро обласканы советским правительством. В частности, Уильяма Мартина сразу зачислили в штат Физического института АН СССР на должность старшего научного сотрудника с окладом жалования в размере 350 рублей в месяц и выделили хорошую двухкомнатную квартиру в новом доме на улице Обручева. Он имел право не ходить на работу. И не ходил, только – за зарплатой, два раза в месяц. Его квартира быстро приобрела популярность у московских хиппи, музыкантов, художников и прочих юных дарований и непризнанных гениев, а также у бомжей и легкомысленных красавиц. Дверь в квартиру никогда не запиралась: заходи, кто хочешь! И даже в отсутствие хозяина в квартире кто-нибудь да был! Билл, а именно так и звали Мартина его новые русские друзья, был человеком широких интересов. Но больше всего его интересовали минералы и современная музыка. Одна из его комнат наполовину была заставлена полками с удивительной красоты камнями – от обычного горного хрусталя до редчайшего лазурита величиной с лошадиную голову. Были в его коллекции и уральский малахит, и изумруд, и топазы, и александриты, и яшма... Оценивая свою коллекцию в несколько миллионов долларов, он сетовал на то, что в Союзе никто не сможет купить у него даже малую часть собранных им минералов по достойной цене, а необходимость продажи дублирующихся экземпляров становилась всё актуальнее. Считая продажу камней за бесценок недостойной истинного коллекционера, излишки своей коллекции он раздаривал своим многочисленным друзьям и прихлебателям. Удивительно, но при всей необычайной доступности квартиры из неё никогда ничего не пропадало. Кроме минералов, квартиру наполняло множество других редких вещей: телескоп, позволяющий хозяину наблюдать за интимной жизнью в соседних домах, качели, вмонтированные в потолок, камин – мечта любого советского интеллигента, духовая винтовка и пистолет, громадное собрание научной и художественной литературы и, конечно же, потрясающая акустическая система с уникальным проигрывателем, алмазная игла которого не царапала пластинку, оказывая оптимальное давление на её бороздки благодаря регулируемому противовесу. Коллекция пластинок поражала воображение любого меломана. Билл любил современные группы и интересовался советской рок-музыкой, а Градского просто боготворил. И Буйнов, и Шахназаров, и Лерман и Полонский были частыми гостями Билла. Свою любимую песню «Трава-мурава» Саши Буйнова он мог слушать бесконечно, забавно подпевая со своим американским акцентом:

«Ой-да ты не плачь, дружок мой, рожок,
Что разрыв-травы найти я не смог,
А нашёл плакун-траву, но не рву:
Ой-да всё одно не зареву!»

При этом Билл как-то неловко улыбался, смущённо смахивая скупую слезу.

– Почему ты плачешь, Билл? – спросил его однажды Олег.

– Потому, что я нашёл плакун-траву в этой стране, – ответил Билл, – а искал что-то другое.

– А что же ты искал или надеялся найти?

– Я представлял себе Советский Союз, как страну свободы и демократии! Страна, где я теперь попал – это... рабство, тирания! Демократии – нет и в помине!

– Может быть, ты и прав, – попытался оппонировать ему Олег, – но к тебе-то это какое имеет отношение? Ты всё имеешь: деньги, квартиру, у тебя много друзей...

– Что ты говоришь? Денег мне не хватает! Я не имею машину! Чтобы купить машину, я не должен кушать два года! Друзей много! Да! Но ещё больше – стукачов!

– Стукачей, наверное?

– Да, да! Стукачей! Каждый второй, кто у меня в доме, стукач! Один назвал меня Иуда! Я ударил его! Он даже не обижался!

– Интересно, почему?

– Потому! Он не должен отлучаться от моей квартиры. Он должен знать с кем я, о чём говорим, что я думаю...

– Ты не преувеличиваешь?

– Телефон всегда прослушивается! Я не могу ехать в путешествие. Я должен получать разрешения. Всегда! Везде!

– Что же ты тогда не возвратишься в Америку?

– Это невозможно!!! Там ждёт электрический стул! Я не могу ехать в Америку. Отец – не может ехать сюда! Я попал в этот, как это? В капкан!

– Но и мы не можем ехать в Америку! И у нас прослушивается телефон! Да, кстати, а как ты определяешь, что телефон прослушивается?

– У вас нет номеров на цифра шесть. Если набрать шесть, будет гудок. Если гудки – всё хорошо! Если тишина, если шорохи, если щелчок – это кто-то подключился и слушает тебя.

– Да? – удивился Олег, – давай проверим твой телефон.

– Давай!

Билл пододвинул телефонный аппарат к Олегу, тот набрал шестёрку и стал слушать.

– Тишина! Только какие-то шорохи иногда!

– Ну вот! – торжествуя воскликнул Билл. – Слушают!

Время от времени Билла навещал и Николай. Ему нравилось копаться в книгах Билла. Особенно много было исторических книг. Надо сказать, что и сам Билл неплохо разбирался в истории и по многим вопросам имел весьма оригинальное суждение. Так, обсуждая проблемы современной жизни в СССР, он заявил:

– Современные проблемы вы, советские люди, привезли из прошлого. И проблема в том, что у вас никогда не было народное представительство во власти.

– Как это – не было, – попробовал возразить ему Николай, – вернее, как это – нет? А Верховный Совет?

Билл снисходительно улыбнулся.

– Это – фикция! Вот, почитай Ключевского. Это ваш историк. – Билл быстро разыскал книгу и открыл нужную страницу: «Народное представительство возникло у нас не для ограничения власти, а чтобы найти и укрепить власть: в этом его отличие от западноевропейского...»

– И что в этом плохого, – Николай недоумённо пожал плечами, – власть и должна быть крепкой.

– Крепкой? Да, наверное, ты в чём-то прав, – Билл горько усмехнулся, – а в чём-то не прав... знаешь, Коля, пойдём – погуляем... что-то душно...

– Пойдём, пойдём...

Оба быстро собрались и вышли. Вечер был тёплым и располагал к неспешной прогулке и душевному разговору.

– Ну, что – продолжим? – Билл оглянулся. Во дворе никого не было. – На чём мы остановились? Ах, да, – крепкая власть...

– Я утверждаю, что власть должна быть крепкой!

– А я и не возражаю, – недоумённо посмотрев на Николая, Билл продолжил, – всё дело в том, как реализована эта власть.

– Что ты имеешь в виду?

– Видишь ли, май фрэнд, в вашей стране всё крутится вокруг власти. Она – главное действующее лицо всех исторических процессов. Она у вас всегда персонифицирована и в ходе истории только меняет своё наименование: царь, император, а теперь – генеральный секретарь. То есть у вас власть и её носитель – едины!

– А разве бывает иначе? – удивился Николай.

– Да, конечно! В демократических странах власть отделена от правителя и не является его личной прерогативой. Более того, одной власти не существует, а есть три власти, и они отделены друг от друга, они – независимы! Власть – полиархична! Слышал такой термин?

– Нет.

– А у вас власть монархическая!

– Была монархическая до семнадцатого года, – возразил Николай.

– И остаётся монархической, – уточнил Билл.

– Как это? Самодержавие мы убрали ещё в семнадцатом.

– Ваше самодержавие живёт до сих пор. Оно мимикрирует и, как хамелеон, меняет окраску в соответствии с исторической обстановкой. К примеру, будучи властью принципиально персонифицированной, т. е. обязательно «пристёгнутой» к определенному лицу, к царю или императору, оно вдруг отделяется от этого лица и сливается со множеством лиц. Именно так произошло преобразование петербургского императорства в московскую совдепокомиссарию.

– Ну, и какое отношение это имеет к монархии или самодержавию?

– Какое? Неужели не ясно, – удивился Билл, – власть перешла к большевикам, не будучи при этом распределённой, то есть осталась монархической по своей сути. Вы отrekliсь от старого мира, разрушили его до основания, как в песне, построили новый мир и вдруг обнаружили, что все это на самом деле было реанимация мира старого.

– В каком смысле?

– В прямом, – понемногу раздражаясь, продолжал Билл, – власть, народная по форме, но будучи монархической по сути, осталась абсолютно бесконтрольной. Для такой власти, как у вас принято говорить, закон не писан! Закон существует только для народа. Нарушил – отвечай! Для власть имущих закон не обязательно для исполнения. Они сами себе – закон! Закон, что дышло! Так у вас говорят!?

– Да, есть такая поговорка, – согласился Николай.

– Вот вы говорите: «Был бы сейчас жив Ленин, всё бы пошло по-другому!»

– Да, многие так думают, – согласился Николай.

– А ещё у вас говорят про людей недалёких, глупых: «Без царя в голове!»

– Верно, так тоже говорят...

– То есть в ваших головах – вечный царь! С ним у вас – все надежды! Будет хороший царь, всем будет хорошо! Был бы Ленин – был бы рай! Будет плохой царь, будем терпеть. Царь – от Бога!

– Ну, про Бога ты загнул! Времена сейчас другие!

– Согласен! От Бога вы избавились с лёгкой руки коммунистов. Но, подумывая о реорганизации власти, как ваши диссиденты, например, вы помышляете только о смене её носителя, но не о её преобразовании из монархической в полиархическую, распределённую, подконтрольную всем принятым законам. Никому из вас даже не приходит в голову, что все ваши беды – в ваших головах, наспигованных на сознательном и подсознательном уровне монархическим образом мышления! Распрощайтесь с идеей хорошего царя, и страна расцветёт! У вас – громадный потенциал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.